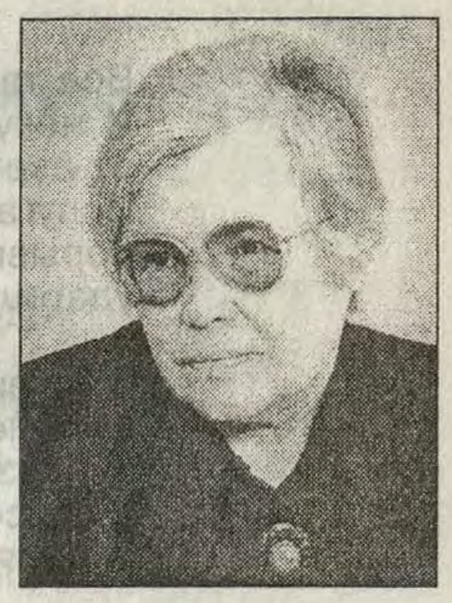
Галина Беляничева



Слыхали новость? Галина Беляничева переехала из поселка Аэропорт в Благовещенск!

Шутка. К сожалению, по-прежнему приходится Галине Петровне почти час пилить автобусом из родного аэропорта в центр города, чтобы посмотреть в глаза редакторам «Приамурья» с немым укором, в котором читается вопрос: ну когда же вы, наконец, найдете деньги на издание альманаха?

А доля правды, присущая всякой уважающей себя шутке, заключается вот в чем. Действие большинства повестей и рассказов Галины Беляничевой происходит в поселке Аэропорт. А предлагаемый вам «Дневник Хромоножки» завязан на самый что ни на есть исторический центр города Благовещенска - с выходом на столетние тайны, хранимые старыми купеческими домами...

Повесть

ДНЕВНИК ХРОМОНОЖКИ

13 мая 1997 года

Папа сказал, что в потолке нашей нынешней квартиры когда-то было окно. С годами рама рассохлась, в дождь пропускала воду, и прежние жильцы раму вынули, крышу закрыли, а дыру в потолке заложили досками. Окно это было в моей комнате: в потолке остался прямоугольник наличника - как раз над моей кроватью. Если бы оно сохранилось, то, лежа ночью в постели, я видела бы над собой звезды, лунный свет сочился бы на меня сверху, а днем сюда заплескивало бы солнце, и моя комната, с окном, глядящим на глухую кирпичную стену соседнего дома, была бы веселее.

Интересно, для чего было врезано окно в потолке? Может, здесь жил ремесленник - портной или часовщик, которому для работы требовалось много света? Или тут была мастерская художника? А может, дело не в практической надобности, а в причуде домовладельца? Захотелось ему выставиться перед соседями - и он выставился. В очень любопытное жилище наша семья переехала. Весь дом так и пропитан прошлым, а я, как выяснилось, ностальгистка. Когда дома никого нет, я отправляюсь путешествовать по квартире. Из своей комнаты, с письменным столом у окна, кроватью напротив, телевизором в углу, полкой с книгами и видеокассетами, картинками на обоях и высоченным потолком с приметами бывшего окна, я, подталкивая руками колеса, выезжаю на кухню - самое живое место квартиры. Здесь вся наша семья собирается на обед и ужин - и никому не бывает тесно. Даже я своей коляской не загромождаю пространства. Но когда мы не едим, я на кухню могу не выезжать. Достаточно мне раскрыть дверь своей комнаты - и я всех вижу и сама перед всеми как на ладони. Так и общаюсь через дверной проем, особенно с бабушкой, потому что с ответами на ее бесчисленные вопросы на кухню не наездишься. А так бабушка суетится у плиты, я за письменным столом занимаюсь или читаю, и мы через раскрытую дверь беседуем. Но вообще-то я и на кухне люблю поторчать, когда топится печь и бабушка что-то вкусное стряпает.

Через спаренное окно солнце потоком вливается в кухню. Стекла бабушкиного резного буфета переливаются разными цветами, от изумрудного до рубинового. По возрасту буфет, должно быть, ровесник дому. Мой предок, краснодеревщик, изготовил его в приданое бабушкиной маме, а от нее он перешел к бабушке. С тех пор она с ним не расстается. Подозреваю, что бабушка согласилась переехать к нам только потому, что для ее буфета имелось место. Папа, наверно, тоже держал его в уме, когда подбирал для обмена квартиру. Но самое притягательное на кухне, конечно же, печь. От громоздкого ее тела обогреваются три комнаты, но огонь пылает на кухне.

Во время одинокого путешествия я пересекаю кухню по косой - из двери в дверь - и въезжаю в зал - нашу парадную комнату, как правило, музейно-пустынную. А что в ней делать? Торжественных приемов у нас не бывает. Сами мы на кухне, близких родственников или соседей тоже принимаем на кухне. В зале только бабушка спит ночью, у теплого бока печи. А днем парадный покой пуст.

В зале у нас пианино. Наконец-то оно получило достойное место. Но на инструменте здесь никто не играет. В прежней нашей квартире пианино стояло в прихожей, и я каждый день на нем занималась. Но сейчас мне дали отсрочку на год, и я открываю его крышку только за тем, чтобы выжать из недр инструмента глубокий и скорбный вздох, долго угасающий в тиши зала. Я б могла позлорадствовать, что вот, надоедал раньше, жизнь отравлял, теперь постой в одиночестве. Но мне жаль честного труженика, он скорбит обо мне. Хоть бы мама на пианино сыграла. Но мама не хочет играть в этой квартире. Она, как певчий дрозд, не в ту клетку попала. Тогда я делаю несколько бурных аккордов и, пока звуки тают вверху под потолком, быстро-быстро отъезжаю в другой конец зала. Там, за перегородкой, прячется родительская спальня.

Из-за того, что в ней нет окна, ее не считают за комнату, хотя она больше моей. Сюда втиснуто почти все, что было в нашей прежней квартире, и еще новое добавлено. Кроме родительской кровати, здесь два платяных шкафа, столик с настольной лампой и кресло с торшером. Перегородка до потолка не доходит, поэтому поверху протянута короткая занавеска, когда задернутая, а когда и нет. Сейчас не задернута, да еще входную портьеру я откинула - и сквозь сумрак разглядываю родительский будуар.

В каждой из наших комнат я чувствую себя по-разному. У себя мне удобно и обиходно, в кухне тепло и мило, в зале торжественно и знобко, в родительской спальне неловко, словно я за чужой жизнью подглядываю. И это на самом деле так. Я приезжаю сюда, чтобы посмотреть, что у родителей нового, и вообще, как они тут... Папиного духа я почти не улавливаю. Он лишь ночует тут, а потом его можно увидеть где угодно, только не здесь. Он на кухне, он в моей комнате, он в сенях воду качает, он в общем дворе у сарая, он в маленьком дворике у меня под окном. А когда ему надо сосредоточиться и поработать, он устраивается за кухонным столом. Мастерит тоже на кухне. Они с бабушкой друг другу не мешают, а я через раскрытую дверь из своей комнаты за ними наблюдаю.

А вот мама любит посидеть в закутке. За столиком с настольной лампой округлым и ровным почерком выводит нескончаемые библиотечные планы или в кресле, под торшером, читает. Потому-то за перегородкой все насыщено ею. Запах ее духов, забытый ею халат, черновик очередного плана, - загадочная мамина жизнь.

В родительской комнате мое одиночное странствие прерывает глухая стена, перекрывающая нашу квартиру. И всякий раз у меня остается ощущение оборванности, незаконченности путешествия. Мне кажется, что самое интересное скрыто от меня стеной, за которой спрятана тайна дома. Он так древен и стар, должна же быть у него своя тайна! Мне хочется раздвинуть стену и пройти

сквозь нее вместе с коляской.

Я понимаю, мои фантазии от замкнутости жизни и недостатка общения. Папа сотворяет для меня коляску-самокатку с автоматическим управлением. Я говорю папе: «Ты с дистанционным сделай, чтобы бабушка, не выходя из дома, прогуливала бы меня по улицам».

Сама для себя я тоже кое-что придумала. Я решила вести дневник, чтобы он стал для меня всем, чего не хватает мне в жизни: окном в звездное небо, дверцей в тайну, терпеливым и понимающим собеседником, преданным другом и верным товарищем.

Кроме того, этим дневником я бросаю вызов судьбе, так как начинаю его тринадцатого мая, в годовщину моего несчастья, когда я, при неудачном приземлении в танцевальном зале, вывихнула и сломала тазобедренный сустав. Тринадцать - число моих полных лет. А еще тринадцатого декабря папа выписал меня из больницы и привез в эту квартиру, на которую обменял нашу прежнюю, однокомнатную, на пятом этаже кирпичного дома. Так что цифра тринадцать меня печально сопровождает, и я намерена выйти из-под ее рокового влияния.

14 мая 1997 года

Я хоть и бросила вызов роковому числу тринадцать, но ни себя, ни родителей во вчерашней записи по именам не назвала. На всякий случай осторожничала, чтобы не подводить под удар родителей. Им и так со мной неприятностей хватает, особенно маме. С моим несчастьем у нее рухнули на меня все надежды. Она мечтала, чтобы я танцевала и играла на фортепиано, чтобы я стала, как и она, человеком культуры. Но это только начинается с танцев и музыки, а кончается тишиной библиотеки. Мама надеялась, что я продвинусь по пути славы и добьюсь больше, чем добилась она. Но исключительной судьбы у меня, со всей очевидностью, уже не будет. Мама в горе и разочаровании. Ее не утешает, что в нашей семье уже есть исключительная личность - это папа. Он у нас редкий специалист по наладке сверхточного и сверхчувствительного оборудования. Как в городе что-то новейшее устанавливают - обязательно папу зовут. К самой тонкой и капризной технике он подход знает, и его самого в мире высоких спецов тоже знают.

А по виду папа самый обыкновенный и даже невыразительный на внешность: лысоватый, круглолицый. Но когда улыбается, на щеках появляются ямочки. Характер у него непоседливый, но слушает он со вниманием и всякого человека понимает, будто перед ним механизм. Фамилия у него скромная, на великие успехи не рассчитанная. Малышев он, Алексей Петрович. Бабушка, мама его, Анна Сергеевна Малышева. Моя мама, Наталья Григорьевна, поневоле Малышева. А я - Софья Малышева, малая мудрость, значит, вот это точное попадание.

От папы у нас не только фамилия, от него вся наша семейная жизнь, ее достаток и благосостояние. Мамин библиотечный заработок - пустяк, и тот вовремя не дают. У бабушки скромная учительская пенсия. От меня пока ничего, разор один, одно мое лечение родителям в копеечку обходится. Папа задался целью отремонтировать мою ногу так, чтоб не осталось изъяну. На все процедуры и лечения неукоснительно возит. Когда мне совершенно двигаться не позволяли, папа меня на руках к машине носил, кресло на верх «жигуленка» ставил. У лечебницы меня пересадит и по кабинетам на кресле возит. С самой зимы подобная канитель - и все на папе. Мама страдающим взглядом проводит меня и страдающим встретит. У меня ее страдающие глаза вызывают чувство вины. Ведь я по легкомыслию себя в беду ввергла. Подпрыгнула вверх, не предупредив партнера, уверенная, что Коля подхватит, - а он растерялся и не поймал. Это папа с любой позиции меня бы подхватил, а Коля Бехтин просто красивый мальчик, сверх меры повернутый на себя. Сейчас он с Юлей Тательниковой танцует. Она счастлива, своего добилась. Папе я верю: как сказал, так и сделает, - починят меня без хромоты. Но танцевать я больше уже не буду.

Да разве только танцевать? Неудачное приземление от многого меня оторвало. Только родители со мною остались и отчасти Юля Тательникова. Да и то потому, что по новому моему месту жительства мы с нею соседями сделались, на одном переулке живем: я в начале квартала, а она в конце. Юля не то что со мною дружит, а так, снисходит, забредет иной раз поболтать, когда не с кем. Втайне она полагает, что теперь я ей не ровня, и не хочет замечать, что у меня появились новые увлечения. Да, я не танцую и не играю на пианино, но я много читаю и учусь в одиночку. Я не только не отстала по программе от своих одноклассников, но, по-моему, я их опережаю и в конце мая буду сдавать экстерном за восьмой класс. А по некоторым предметам я уже за девятый класс учусь. В домашних условиях быстрей успеваю: по математике и физике помогает папа, по литературе - мама, бабушка занимается со мною английским языком, историю я осваиваю сама, по биологии и химии натаскивает бабушкина подружка, бывшая учительница.

Мама нанесла из библиотеки гору книжек, по которым я должна самостоятельно развиваться, округлым своим почерком расписывает недельные программы и каждый месяц устраивает зачеты.

Относительно меня у мамы, кажется, вызревают новые надежды, переориентированные на мое новое состояние. Если раньше самым главным в моем воспитании были танцы и музыка, то теперь предпочтение отдается английскому. Мама даже собиралась нанять репетитора, считая, что бабушки как учителя для меня мало. Папа убедил ее заменить репетитора аудио- и видеокассетами. Маме почему-то важно не само образование, а побочные добавки к нему. Она уверена, что именно они способны устроить мое будущее.

Этой зимой по самоучителю я освоила игру на гитаре и у себя в комнате напеваю жестокие романсы. Так мама и ухом не ведет. Для нее гитара по самоучителю не образование. Она признает фундаментальное обучение, чуть ли не с профессором.

Мама не в библиотекари, а в артистки себя готовила. Я смотрю на ее лицо, каждая черта в нем прекрасна: огненные цыганские глаза, широкий разлет бровей, ярко прописанные губы, нос аккуратным клювиком, но совсем не острый. С такими чертами мама была бы красавицей, если бы овал лица не подвел. Оно у нее несколько широковато, отчего парные черты словно оттянуты друг от друга, а подбородок нечетко оформлен. Эта неправильность умаляет в лице красоту, но взамен придает ему энергию и решительность.

Представляю, как мама в гордом самоотречении, точно ножом, отсекла от себя артистическую карьеру. Неужели ради папиных ямочек на щеках и пышной тогда еще шевелюры? А может, переложила несостоявшиеся надежды на следующее поколение, то есть на меня? Если так, то тут она не права - это уже моя жизнь, и мне самой в ней находить или терять.

Мама подавлена не только моим несчастьем, но и переездом в этот старый деревянный дом. Будто она на дно жизни скатилась. Можно подумать, что у нас были какие-то сверхцивилизованные условия. Однокомнатная квартира на пятом этаже, правда, с лоджией и широкой прихожей. Я за шкафом спала. Представляю, как бы я там с коляской тыкалась. Из-за узкой двери и в лоджию не смогла бы въехать, так бы и сидела замурованной наверху. А здесь простор, кубатура, и бабушка с нами, а с нею фамильный буфет, а с ним - совсем иной привкус у жизни.

Но мама замкнулась на своих комплексах, вся ушла в переживания и работу. Раньше она веселее была, приятельниц у себя собирала, торт пекли, чаевничали, на пианино играли и прямо в прихожей танцевали. Здесь целый зал для приема, пианино в красном углу, но мама подружек не приглашает. Чай они пьют у себя в библиотеке и там же справляют свои маленькие праздники. Скучно теперь у нас. Сколько дурашливой суеты и веселого щебетанья привнесли бы мамины сотрудницы в нашу нынешнюю квартиру. Чай пили бы с бабушкиными крендельками. Они не хуже прежних маминых тортов. Но мама

то ли меня в коляске не хочет показывать, то ли квартиры стесняется. Ей-то что, она у себя на работе наверстывает, а я без общества маюсь, сама себя развлекаю. В фильме «Жестокий романс», он у меня на кассете есть, я высмотрела, что Лариса Огудалова жила точно в таком, как наш, доме. Особенно это видно в тех кадрах, где она за домом читает книгу. Ну копия наш дом со двора, только в фильме он новее. Я маме и папе этот момент показала. Мама осталась равнодушна, а папа заинтересовался. Я же целую зиму в образе героини «Бесприданницы» прожила, струны пощипывала, волосы красным бантом украшала.

От жгучего маминого колорита мне кое-что передалось: темные глаза - без ее огненной страстности, правда, но с моей собственной затаенностью, - темные мамины кудри, матовый цвет лица. Овал у меня правильный, это хорошо. А вот маминой пылкости и энергии мне не досталось. Зато во мне есть задумчивая рассеянность, что для образа «Бесприданницы» больше подходит. Я гляжу на себя в зеркало, и оно мне показывает Ларису, томную и страдающую в тесных рамках окружавшего ее общества. Это я в ней или она во мне? Эх, увидеть бы еще себя в полный рост!

15 мая 1997 года

К нашей квартире примыкает внутренний, закрытый от постороннего глаза дворик. Папа положил под порожки скаты, и я - сначала с бабушкиной помощью, а теперь и сама - выезжаю в этот дворик. Зимой меня укутывали одеялом и оставляли на порожке за сенями. Я часами глядела на вытянутый прямоугольник закоулка между нашим домом, глухой стеной соседнего кирпичного строения, дровяным сараем, штакетным забором с калиткой.

Во дворе затишок и припек. Меня никто не видит, кроме бабушки, которая из кухни через окно моей комнаты на меня время от времени поглядывает. Даже в самые морозные дни я тут гуляла. Когда мне хотелось подвигаться, я подъезжала к калитке, открывала ее и глядела в большой двор, к которому, кроме нашего, примыкали еще два дома. Этот общий двор тесно заполнен сараями, гаражами и палисадниками. Из своей калитки я вижу всех входящих и выходящих и даже идущих по переулку мимо. Сюда, к калитке, однажды подошли и познакомились со мной две девочки из нашего двора: Зоя Браницкая и Галя Малахова. Девочки чуть постарше меня, обе учатся в десятом классе. Я подружилась с ними. Вечерами они приходят ко мне смотреть видеофильмы.

А в нашем глухом, спрятанном от постороннего глаза закоулке я смешно так познакомилась с мальчиком. В конце февраля, когда солнце начало припекать и на южной стороне появились лужицы, я возле сеней читала книжку. Вдруг меня кто-то сверху звонко-звонко окликнул: «Эй!» Я подняла голову. Наверху кирпичной стены, свесив ноги, сидел мальчик помладше меня, или показавшийся мне помладше. Этот кирпичный дом какой-то странный: у него, как у сарая, односкатная крыша. Скат обращен в чужой двор, а с нашей стороны высокий гребень. Мальчик и сидел на этом гребне.

- Привет, - сказал он.
- Привет, - отвечала я.
- На солнышке греешься?
- Вроде того.
- А я тебя знаю, - сказал мальчик.
- Откуда? - удивилась я.
- Тебя каждый день к машине таскают, а я вижу.
- А я тебя ни разу не видела, - я пожала плечом.
- Это потому, что по сторонам не глядишь. А ты посмотри, я всегда в воротах торчу.
- Ты не учишься?
- Я со второй смены.
- А-а, - сказала я, довольная возможностью поговорить.
- Ты совсем двигаться не можешь? - спросил он.
- На костылях могу.
- У тебя одна или обе ноги не ходят?
- Одна.
- Значит, ты хромая, - глубокомысленно кивнул он. - А как тебя зовут?
- Соня.
- А кличка есть?
- Нет.
- Совсем нет или скрываешь?
- Совсем нет.
- Хочешь, я тебе кличку дам?
- Попробуй, - согласилась я.

Мальчик запрокинул голову, поглядел в синее небо, словно искал в нем ответ, и сказал:

- Хромоножка!
- По внешнему признаку обозвать - ума много не надо, - разочарованно ответила я, а про себя подумала: «Хорошо еще, что Инвалидкой не назвал».
- А тебя как зовут? - в свою очередь спросила я.
- По кличке или по правде?
- Да хоть как.
- По правде я Серега.
- А по кличке?
- Когда-нибудь узнаешь, - уклонился он.
- А когда-нибудь - это когда?
- Когда девки скажут...
- А ты с девочками знаком?
- Ну да, они говорят, у тебя по видику фильмы классные.
- Поэтому ты сюда залез? - догадалась я.
- Я тут всегда лазию, - отговорился Серега.
- Что-то я не замечала.
- Это зимой. А летом я все крыши вокруг обхожу. Хочешь знать - это я вашу беседку разворотил. Ну, не вашу, а прежних хозяев...

В углу дворика, напротив калитки, в самом деле была ветхая беседка с разъехавшимися подпорами.

- А в этой квартире, - мальчик указал на граничивший с нашим двориком палисадник, - сумасшедшая старуха живет. Она на меня наезжает, когда я тут лазию. На тебя наезжает?
- Еще как, - ответила я.
- Пугани ее посильнее, она заткнется, - посоветовал он.
- Я по-всякому пробовала, ее ничто не берет, - пожаловалась я.
- На нее только страх действует. Я не даю ей зарываться. Она только на меня наедет, а я ей: «Заткнись, старая ведьма, а то подпалю». Она сразу прячется.
- И вправду подпалить можешь?
- Запросто.
- Тут и другие квартиры...
- Мне плевать, наш дом кирпичный.
- Опасный ты человек, Серега, - покачала я головой.
- Ты что, испугалась? - спросил он, явно довольный.
- Представь, у нас загорится, а я костыль не найду - так и не выйду!
- А ты клади его под подушку, когда спать ложишься.
- Придется.
- Хочешь, я к тебе спущусь? - предложил мальчик.
- Ну, спустись, - разрешила я.

Он поднялся на ноги, перебежал по крыше до угла дворика, где под кирпичной стеной стояла полуразвалившаяся беседка. Повиснув на руках, он ногами дотянулся до верхушки беседки. Она под ним зашаталась, но он, освоенным движением, переплел ногами хлипкий столбик и скатился по нему вниз.

- Ты из этого закутка никуда не выезжаешь? - спросил он, подойдя.
- Возить некому, - сказала я.
- Давай я тебя покатаю, на улицу вывезу.
- Лучше не надо, а то где-нибудь бросишь, потому что тебе плевать.
- Капитально меня раскусила, - просиял он.
- Это тебе за Хромоножку.
- А ты обиделась? Я же не самую позорную кликуху выбрал.

- Но и не лучшую.
- Кликуха всегда прикольней, чем имя.
- Твоя прикольная?
- Еще как!
- Скажи!
- Не-а, а то на видик не пустишь. Я хочу с девками к тебе приходить.
- Они разве тебе компания? - удивилась я, представив его рядом со старшими девочками.
- А что, если другой молодежи поблизости нет. Не с бабкой же Сумской им водиться? - рассудил он.
- Значит, и мне с тобой водиться придется?
- Понятное дело, - небрежно ответил он.
«Тоже мне молодежь, - подумала я. - Кавалер сопливый».
- Так я приду к тебе с девками? - напомнил Серега.
- Приходи, - неуверенно согласилась я.
И он пришел с Галей и Зоей. Девочки называли его Фомкой. Надо же, какое точное попадание! Ну и ко мне прозвище Хромоножка тоже прилипло. Правда, произносилось оно чаще за глаза.

А сумасшедшая старуха, о которой говорил Фомка, в самом деле меня преследует. Фамилия ее Сумская, а имя забылось, потому что никто во дворе с ней не связывается. Живет она на нашей половине дома. Из окна ее квартиры, должно быть, видна часть нашего дворика возле калитки. То ли от скуки, то ли от злобности бабка Сумская повадилась меня подкарауливать. Стоит мне подъехать к калитке, как на крыльце своей квартиры появляется старуха и начинает злобно шипеть и бубнить всякие гадости. Я и по-хорошему с ней, и по-плохому, папа выходил усовестить ее, бабушка гоняла - не отцепляется от меня, клюет и клюет. Только мама, не понять почему, одним своим появлением нагоняет на нее страх. Но мама редко ходит через двор, она больше пользуется дверью, что выходит на улицу. И меня в лечебницу папа с наружного входа забирает. Но если мама идет двором, а Сумская стоит у себя в ограде, да еще если мама ненароком поведет на нее черным, огненным своим взглядом, со старухой начинает твориться что-то невероятное. Она в ужасе кричит «Матилька! Матилька!» - это звучит, как «пожар, пожар!» - и прячется в доме. Бывает, что не успевает добежать до крыльца, тогда падает на землю и закрывает руками голову. Полежит-полежит, осмотрится - мама прошла, - подымется и тихонечко ковыляет в дом. Несколько дней потом не показывается и меня не преследует.

Отчего она так маму боится? Черные глаза, что ли, на нее действуют? Мама же истерик ее не замечает, идет себе мимо. И дома о Сумской слова не скажет, словно ее на белом свете не существует.

А мне Сумская трындычит одно и то же. Сначала пророчит, что я навсегда хромой останусь, злорадствует по этому поводу, потом свирепеет и заходится торжеством: «Так тебе и надо, чекистка поганая, калека убогая!». В минуты ее кликушеского ликования невозможно что-либо ей объяснить. При чем тут какая-то чекистка? Или она не понимает, что я больная девочка из совсем другой эпохи? А может, все понимает, но ради сумасшедшей своей блажи видит то, что ей хочется видеть? Счеты, что ли, с кем-то сводит? Чем же я ей эту чекистку напоминаю? Наверное, та была хромой, потому что Сумская упорно на хромоту напирает. Видно, крепко они в жизни столкнулись, если у Сумской застарелая ненависть перешла в сумасшествие. Только я подозреваю, что это не сумасшествие, а притворство. Вредина она, вот и все. Всех во дворе терроризирует, а сама-то тоже боится! Вот я ее пугану, в самом деле!

Раз она меня чекисткой обзывает, пусть получает чекистку. Всю зиму я грезила Ларисой Огудаловой, а теперь предстану другой Ларисой - по фамилии Рейснер, революционным комиссаром гражданской войны. Я надела мамину кожаную куртку, приколола к ней красный бантик, на голову натянула папин картуз с козырьком, кожаным верхом и меховыми отворотами. Отвороты я опустила кожей наружу, получилось нечто вроде защитного шлема. Накрылась одеялом, въехала в раскрытую калитку. Дело шло к весне, с крыш капало, грело солнышко - решила, что не замерзну.

Только я устроилась на своем обычном месте, как на крыльце появилась Сумская в заношенном бушлате, вязаном платке вокруг длинного жеваного лица, с седыми выпирающими патлами и острым носом.

- Что, убогая, погулять вылезла? - заблажила она, уверенная в моей беззащитности и своей безнаказанности. - Небось, хочется ножками побегать? А не бегут ноженьки. Никогда не побегут, я тебе говорю!

Я молча ждала, когда старуха распалит себя до нужного мне слова. Мое молчание, видимо, подогрело ее. Она спустилась с крыльца и подошла вплотную к своей ограде. Я близко увидела ее зловещую физиономию и острый огонь в мутных глазах. Схватившись руками за штакетины, сумасшедшая с ненавистью прошипела:

- Калекой с коляски встанешь, калекой пойдешь, чекистка хромоногая!

Вот оно, нужное слово! Я откинула одеяло и нацелилась на Сумскую из игрушечного пистолета:

- Ах, ты контра! Забыла, с кем разговариваешь? - выкрикнула я. - Становись к стенке! - В этот момент я сама забыла, что пистолет бутафорский, а я не чекистка.

У старухи побелели губы, затем бледность охватила все лицо. На нем появилось совершенно новое выражение - угрюмое и вполне осмысленное. Глаза ее смотрели на меня с колючей неприязнью. Такой, наверно, Сумская видит себя в зеркале, если заглядывает в него.

Расцепив сведенные губы, старуха презрительно процедила:

- Мала еще представляться.

Я обомлела: такого поворота я не ожидала. А она повернулась и пошла к дому, держа спину как-то по-деревянному неподвижно. Все-таки, видно, опасалась, что я пальну. Не оглянувшись ни разу, поднялась на крыльцо и скрылась за дверью. Да, достоинства в этой злыдне хватает, и она не труслива. Но куда подевалось ее безумие? Неужели мой игрушечный пистолет вправил ей мозги? Или она сама «представляется»?

Наверно, я все-таки ее вылечила, потому что она меня больше не преследует, сколько бы я у калитки ни торчала. Если меня из своей ограды увидит - отворачивается. С мамой тоже стала вести себя по-другому. Уже не бежит от нее с криками «Матилька! Матилька!», а молча пережидает, вобрав голову в плечи, пока мама пройдет.

Моя бабушка как-то пришла со двора и рассказала, что Сумская пожаловалась ей на то, что я пистолетом ее пугала.

- Надеюсь, ты не сказала, что пистолет был игрушечный? - спросила я.

- Я знаю, что говорить, - успокоила меня бабушка. - Я ей сказала, что ты у нас настоящая чекистка.

- А она?

- На чекистку смолчала.

- Мне кажется, никакая она не сумасшедшая. Просто притворяется, чтоб людей безнаказанно обижать, - сказала я.

- Как знать, как знать, - с сомнением покачала головой бабушка.

16 мая 1997 года

Напрасно мир деревянных домов считают отсталым. Я смотрю на дома нашего общего двора, на них приметы лучших образцов старой культуры. Когда-то они составляли украшение города. Построены в центральной его части, на перекрестке двух улиц. С одной из них, той, что считается сейчас переулком, исторически начинался город. Однажды мне пришла мысль, что три наших дома поставлены рядом не случайно - каждый из них имел какое-то особое назначение. Это мне открылось зимним морозным днем. Я из своей калитки смотрела в большой двор, выходящий в переулок. Выпавший накануне снег лежал еще рыхлыми и свежими перинами. От общего ствола расчищенной дороги веточками разбегались к па-

лисадникам узенькие тропиночки. Дома грузно просели в снег и были похожи на древних старцев в серых шубах, отороченных белым мехом и окуренных седыми дымами из печных труб. Старцы были крепки и могучи и, как Деды Морозы, могли одарить или не одарить подарком - вековой мудростью. Вот тогда-то я и обратила внимание, что все три дома разные. К чему бы это для одного двора? Конечно же, они составляли единый комплекс - но какой? Это что - усадьба, имение или что-то еще? Какой дом из трех главный, а какие вспомогательные?

В эту минуту ко мне подошел папа, и я ему показала:

- Пап, посмотри, этот двор и дома - как ребус, правда?

- Какой ребус? - удивился он.

- Обыкновенный, который разгадывают. Я определенно чувствую идею, но не могу понять какую.

Папа принагнулся позади меня, чтобы увидеть перспективу с моей точки обзора.

- Ты права, Соня, тут что-то есть, - сказал он. - Надо порасспросить старожилов.

И стал разворачивать мою коляску в направлении сеней, вслух рассуждая:

- Гнездовая застройка... курень, подворье... Очевидно, тут было подворье или купеческий завод, что, собственно, одно и то же. Я спрошу, Сонечка, у прежних хозяев нашей квартиры, они тут лет двадцать прожили.

«Подворье, - повторяла я про себя. - Вот слово, которое объединяет все!»

Дома в словаре Даля я отыскала значение слова «подворье». «Заезжий постоялый двор, гостиница (подходит). Дом со всем простором и ухожами купца, заводчика для наезду, для стояния своих обозов, для складки товаров в городе у ярмарок, пристаней, на местах валового сбыта» (еще как подходит! Амур рядом, и ярмарка там же, на площади у речного вокзала, была). Ниже в статье «подворье» я прочла приведенную Далем поговорку: «Во всяком подворье свое поверье». Это уж и вообще в самую точку! О поверье нашего подворья непременно что-то знает Сумская. Кто такая Матилька, которую она как огня боится? Кто такая сама Сумская? Кто чекистка, которую она ненавидит? Сейчас она злобная старуха, а кем была в молодые годы и как оказалась в этом дворе?

Моя бабушка, которая все же завела с Сумской соседские отношения, выяснила, что зовут ее Надеждой Николаевной, что она 1927 года рождения и до пенсии работала бухгалтером.

Оказывается, у старухи есть имя, да еще какое красивое - Надежда Николаевна. И профессия у нее была самая что ни на есть нормальная. Если она с 27-го, то сейчас ей 70 лет. Я попросила бабушку еще кое-что узнать о соседке, но бабушка сказала, что Сумская ведет себя с нею осторожно, скрытничает, о Матильке и чекистке не проговаривается и вообще далеко не всегда вступает в разговоры... Надо порасспросить девочек - может, они что слышали?

Но вот папа, наконец, принес ожидаемые сведения. В самом деле, здесь был постоялый двор: с гостиницей - в доме, где сейчас живет Галя Малахова, с ресторацией - где живем мы и Сумская - и хозяйским домом, в котором живет Зоя Браницкая. Заезжали во двор с переулка. Между гостиницей и хозяйским домом были высокие ворота, от которых и следа не осталось - вход оголен. Двор тогда не загромождали ни палисадники, ни сараюшки, и он был огромным. Горловина двора, тянувшаяся вдоль гостиницы, позволяла разъехаться двум встречным тройкам, а у ресторации и крыльца гостиницы он расширялся в целую площадь. Несколько упряжек одновременно могли дожидаться как постояльцев гостиницы, так и проезжих, обедающих в ресторации. Но это еще только гостевая половина подворья. За кирпичной стеной, которая перегораживает наш двор и одновременно является тыльной стороной Фомкиного дома, до конца квартала тянулась хозяйственная его часть - с конюшнями и заезжими избами. И Фомкин дом тоже был конюшней! А я-то гадала, откуда у него односкатная крыша? Знает ли Фомка, где он живет? Наверно, знает. Не оттого ли ему хочется все вокруг подпалить? Тайна потолочного окна тоже раскрылась: оно было над обеденным залом ресторации. Точнее, не оно, а они - второе окно, сейчас тоже заколоченное, было в теперешней квартире бабки Сумской.

Постоялое заведение, рассказывал папа, процветало до 1913 года, пока к городу не провели железную дорогу. Железка, первая мировая война, затем революция и гражданская война разорили доходное предприятие.

Я попросила папу, чтобы он провез меня вокруг всего бывшего подворья. Солнечным февральским утром папа выкатил мою коляску во двор. Теперь по этому проезду, где когда-то разъезжались две тройки, могла проехать лишь одна машина. Мы медленно двигались, воображая, как все было, когда здесь кипела неведомая нам жизнь. Вероятно, она была типичной для постоялых дворов - непоседливой и шумной. Сюда, как в точку притяжения, слетались новости из ближних, дальних и совсем далеких мест и отсюда слухами растекались по городу. Здесь звякали бубенцы приезжающих и отъезжающих троек, в ожидании ездоков потопывали валенками похожие на разбойников ямщики, из ресторации вываливались разогретые вином и горячей едой путешественники, под тяжелыми шубами которых были спрятаны револьверы, а в санях, под подстилкой, - ружья. Перебегала двор гостиничная прислуга, держа перед собою кипящие самовары или подносы со щами в глиняных горшочках для постояльцев гостиницы, не желавших обедать в ресторации, вылетал из номеров молоденький казачий офицерик, с крыльца бухался в поданные сани и курьером несся вдоль Амура по военному поручению, звенел смех легкомысленных дамочек и заезжих кавалеров, желающих с ветерком прокатиться по прямым благовещенским улицам.

Весь этот кипящий коловорот смыт прогрессом в виде железной дороги. А память о тех годах окончательно стерта прогрессом в виде многоквартирных домов, переманивших к себе из деревянного жилья лучшую публику. А сейчас тот же прогресс выманивает людей из многоквартирных домов в индивидуальные особняки, похожие на прежние купеческие, но напичканные современными удобствами. Старый же быт запрессовался в исторический и культурный пласт, мало кому интересный...

Мы с папой выехали в переулок и повернулись лицом к домам нашего двора.

Здание бывшей гостиницы, если не знать, как глубоко оно протянуто во двор, с фасада смотрится как средних размеров деревянный жилой дом - на высоком фундаменте, обшитом потемневшей от времени дощечкой, с веселой деревянной резьбой по карнизу, с резными ставнями окон. Мне кажется, что дом специально был развернут вглубь двора: чтобы постояльцам было спокойней здесь отдыхать. Высокие ворота и глухой забор отгораживали двор от глаз посторонних. Но сейчас, когда нет ни ворот, ни забора, дом проглядывается с боков, и видно, какой он длинный. Судя по окружающим его палисадникам, он в нашем дворе самый многоквартирный.

Бывший хозяйский дом стоит на углу переулка и улицы. Мы с папой несколько раз проехали вдоль одной и другой его стороны, стараясь понять, что он такое. Если гостиница просто вытянута в длину, то в основе этого дома - фигура, напоминающая крестовину, оттого в нем так много углов. Окна в этом доме прорезаны парами, соприкасаются друг с другом ставнями. Резного карниза нет, зато крыша - в два яруса: на макушке как бы шапочка, а из-под этой шапочки, как платок, под наклоном выбегает второй ярус крыши. Полюбовавшись на эту крышу, мы вдоль забора по тротуару тронулись к своему дому, бывшей ресторации.

Наш дом, в общем-то, принадлежит улице, а с переулком его связывает только двор. Поставлен дом широко и просто, без затей. Тело его собрали из могучих бревен - видимо, деревья были срублены столетние. Богатырские плечи нашего дома и его богатырская грудь опираются на такой же могучий, сложенный из кирпича фундамент. Папа объяснил, что дом имел полуподвальный этаж, где размещалась кухня. С улицы в здание ресторации было

два входа: не с фасадной стороны, а с боков, но потом один из них развернулся крылечком во двор и закрылся от улицы, а второй - где наша квартира - прирастил себе сени, имеющие две двери - и на улицу, и во двор. Ни одна из квартир нашего дома такого преимущества не имеет.

Капитальной бревенчатой стеной наш дом разделен пополам. С одной стороны живем мы и бабка Сумская, а о жильцах второй половины я пока ничего не знаю.

- Папа, а что было во второй половине ресторации?

- Наверно, еще один зал - для простой публики, так сказать. А может, наоборот, кабинеты для тех, кто не желал обедать в общем зале... Ты хочешь махом разгадать все вековые тайны. Оставь что-нибудь для других любопытных.

- А разве они будут - другие? - усомнилась я. - По-моему, кроме нас, это никого не интересует.

- Сегодня - да, а завтра может быть иначе, - заметил мой мудрый папа.

И мы по тротуару покатили дальше. Тут начиналась хозяйственная часть подворья. Сразу за нашим домом, но немного вглубь от тротуара, поставлена боком к улице красная кирпичная конюшня - Фомкин дом. Ее недавно подновили, подкрасили. Не знаю, как в ней живется, но вид у нее какой-то нездешний, что-то в ней есть от европейского средневековья. Дальше по ходу - большая изба. За избой, тоже вглубь от тротуара, еще одна кирпичная конюшня, она полуразрушена, и в одной ее части кто-то устроил гараж. А замыкает квартал длинное деревянное строение, как бы составленное из нескольких изб. Мы с папой решили, что в этих избах, скорее всего, были комнаты ожидания для проезжающих, а также жилье для ямщиков и конюхов.

Все бывшее подворье разделилось теперь на самостоятельные дворы, но лазы и проходы между этими дворами существуют. Во всяком случае, Фомка к ним не только по крыше пробирается, но и через какой-то лаз, - словно ниоткуда появляясь в нашем дворе.

После этого нашего путешествия мое воображение разыгралось.

Наша квартира мне теперь видится обеденным залом. Солнечный свет льется из потолочного окна, широкие половицы свежевыскоблены до цвета яичного желтка. Пахнет кислыми наваристыми щами. Лиственничные столы, исторгающие тонкий смолистый дух, покрыты белыми крахмальными скатертями. За ними сидят бородатые мужчины и черпают деревянными ложками из высоких глиняных мисок. Впереди у них дальний путь на северный прииск, с приключениями... Мое фантастическое видение не умещается в нашей квартире и, ломая капитальную стену, вторгается во вторую половину ресторации, туда, где кабинеты для обедающих отдельно.

Я - Лариса Огудалова, сбежавшая вслед за Паратовым и застрявшая на постоялом дворе. В сердечной истоме я перебираю струны гитары и с жестоким надрывом пою романс «Бубенцы».

Слышу звон бубенцов издалека -
Это тройки знакомый разбег.
А кругом расстелился широко
Белым саваном искристый снег.

Весь романс великолепен, но меня особенно забирает его второй куплет:

Звон бубенчиков трепетно может
Воскресить позабытую тень,
Мою русскую душу встревожит
И встряхнет мою русскую лень.

Фомка, приловчившийся бегать ко мне без девочек, слушает, опершись локтем на стол и подперев голову ладонью. Не знаю, пробивает ли мое пение его, но меня саму еще как пробивает.

17 мая 1997 года

На лавочку под цветущую черемуху сумсковского палисадника по вечерам стягивается дворовая молодежь. Я выкатываюсь на коляске, приходит Галя Малахова, является Зоя Браницкая. Как всегда, словно ниоткуда, возникает Фомка. В тот майский вечер к нам забрела еще Юля Тательникова.

От теплого воздуха, запаха черемухи и беспричинной радости мы слегка забалдели и несли всякую чепуху, Гале с Зоей по шестнадцать лет, Юле четырнадцать, мне тринадцать, Фомке, девичьему хвостику, двенадцать. Не сказать, что мы такая уж дружная компания, но этой весной вместе нам хорошо, даже Юле у нас нравится.

Мы все разные, и по-разному, наверно, сложится наша жизнь, но пока что наша разность нам не мешает. Галя Малахова - пампушка, простушка и хохотушка. Глаза у нее - как сливочные ириски, гладкие светло-русые волосы заплетены в пушистую косичку-колосок. Зоины черты уже по-взрослому отточены, она красива, независима, дерзка на язык - и, по-моему, на поступки, - моментами презрительна и жестока. Она мускулиста и долговяза, волосы темные, короткие, на затылке взвихренные, глаза переменчивые. Юля томна и пластична от многолетних занятий танцами и балетом. Ее маленькую головку стрижет театральный парикмахер. И одевается она театрально. Все на ней новенькое, необношенное и как будто ненатуральное. Зойкина юбчонка, до основания открывающая ее мосластые ноги, и то естественней смотрится. Галя одевается по-мещански, во все балахонистое, может, стесняется полноты. Я в брюках, футболке и легкой кофте. Фомка у нас светленький мальчик. Голова его с оттопыренными волосенками похожа на шар одуванчика. Кажется, дунь посильней - и полетит пух. Еще можно принять его торчащие волосы за нимб, этакий светоносный ореол на испорченном мальчишке.

Старуха Сумская уже выходила и гнала нашу компанию с лавочки, придравшись, что мы спинами продавливаем ее забор. Но Зойка с Фомкой так ее оттянули, что она убралась.

- Ведьма! - фыркнула Зойка. - Посидеть не дает.

- Недаром моя бабушка всех Сумских недолюбливает, - сказала Галя.

- А что - их много? - удивилась я.

- Откуда я знаю? Что я - слушаю ее, что ли! - дернула плечом Галя.

- Я бы послушала, - заметила я.

- Приезжай и слушай, - усмехнулась Галя. - Нас от ее россказней тошнит. Одни Сумские у нее на языке.

- Ты меня свозишь к себе? - спросила я.

- Зачем тебе эта застарелая лапша на уши? - Галя удивленно посмотрела на меня.

- Мне интересно, - сказала я.

- Отвезу, чего там, - сказала Галя. - Мне самой хочется, чтобы ты у нас побывала.

Вечер уже гасил во дворе последние отблески солнца, когда вдруг, белая, как утренний свет, влетела к нам с переулка белая иномарка. У нас во дворе водились «запорожцы» и «жигули», но таких машин не было. Иномарка подплыла прямо к нашей окаменевшей компании и остановилась. Вылез парень лет двадцати трех - двадцати пяти, с непроницаемым лицом телохранителя, с приглаженным зачесом и уверенной повадкой. Он небрежно глянул на нас, вошел в калитку Сумской и в два пружинистых прыжка поднялся на крыльцо. Вытянув шеи, мы ошеломленно наблюдали за тем, что происходит за оградой. Нерастерявшийся Фомка нырнул в калитку вслед за гостем.

Парень пнул носком кроссовки в низ двери. Она задрожала. Очевидно, бабка откликнулась изнутри, потому что приехавший громко сказал:

- Это я, тетя Надь, Игорь, внучатый племянник.

Значит, бабка не одинока, у нее есть родственники!

Дверь сеней робко приотворилась, словно готовая тут же закрыться, но парень сильно дернул ручку на себя и вошел, оставив дверь распахнутой.

- Надо ж, прорвался! - ожили мы.

- Еще бы, - подхватил возвратившийся Фомка. - Он так рванул, что чуть бабку наружу не вытащил.

- Племянник внучатый... - задумчиво сказала Зойка. - Откуда он взялся?

Фомка обследовал машину.

- «Тойота кроун», - сообщил он нам.

- Все, Фомка, старуху придется оставить в покое, не то племянничек из тебя бифштекс сделает, - поддразнила Зойка.

- Ха! - выглянул из-за машины Фомка. - Похоже, он не очень-то за нее!

- И правильно, - сказала Зойка. - Карга хорошего отношения не заслуживает.

- А если он сам такой же? - предположила я.

Зойка вдруг встала на его защиту:

- Со стервами, - сказала она, - надо быть еще большим стервецом!

- Родственничек, б-р-р, - передернула плечами Галя.

Юлю происходящее не задевало. Она была из другого двора.

Внучатый племянник недолго погостил у родственницы. Скоро он появился на крыльце. Бабка за его спиной тянула шею, чтобы через ограду разглядеть машину.

Выйдя из калитки, парень с большим интересом нас оглядел. Прежде всего он увидел подавшуюся к нему Зойку, признал ее достоинства и наградил ее поощрительной ухмылкой, слегка разомкнувшей губы. Затем перевел взгляд на Галю. Глаза его хищно вспыхнули и с холодной бесцеремонностью принялись разглядывать лицо с румяными, как булочки, щечками, глазки-ириски, пышную фигуру. Галя от этой наглости помертвела. Зойка ревниво ерзнула, обиженная, что глазеют не на нее. Парень успокоил ее быстрым взглядом, как бы сказавшим: «Не волнуйся, это не то» - и снова, прищурившись, уставился на Галю. Казалось, он обдумывал какую-то неожиданно возникшую мысль. Меня в коляске он вниманием обошел. Юлю осмотрел, но, похоже, она его не заинтересовала.

Открывая машину, парень обнаружил у себя под рукой преданно глядящего на него мальчишку и заговорщически ему кивнул, показывая глазами на Галю. К нашему удивлению, Фомка понимающе кивнул в ответ.

Не выдержав этой игры, Зойка вскочила, прикрыла собой Галю, переведя внимание на себя. Ей была подарена еще одна поощрительная ухмылка, и машина отъехала. Зойка примагниченно сделала за ней несколько шагов, а Фомка побежал вдогонку, свернув за угол следом за машиной.

- Ой, девки, я тащусь! - простонала Зойка, цепляясь руками за штакетины ограды и корчась, как от истомы.

- От него тащишься или от его машины? - спросила я.

- От жизни, какая за ним стоит, - сказала Зойка.

- Опасный, по-моему, тип, - поджала губы Юля.

- Отморозок, - поддержала я ее, - вспомнив, как хладнокровно, словно товар, он разглядывал Галю.

- Не говорите, девки, я все равно тащусь, - маялась Зойка.

Галя сидела бледная и подавленная, словно обреченная на позор.

Прибежал взбудораженный, с блестящими глазами Фомка.

- Ты предатель, Фомка, - начала выговаривать я ему. - С чего ты взял, что можешь распоряжаться нашими судьбами? Никто такого права тебе не давал... Смотри - выставим тебя из нашей компании!

Фомкины глаза вызывающе сузились.

Галя молчком поднялась и пошла к своему дому, по-бабьи широко ступая налитыми в икрах ногами. Мы так же молчком провожали ее глазами и не сразу заметили, как во дворе появился еще один незнакомец. По виду это был бомж, изо всех сил старающийся показать себя в приличном качестве. Шел он небрежной, как бы гуляющей и в то же время неуверенной походкой, то и дело озираясь, будто чего-то ища. В руке он держал полупустой полиэтиленовый пакет. Одет он был не в самое худшее из того, что носится основной массой населения: футболка с картинкой, обтягивавшая круглящийся животик, спортивного вида штаны, распахнутая куртка типа рабочей спецовки. Как и положено бродяге, - обросшие щеки, оплывшее лицо. Возраст средний: за тридцать, но еще до сорока.

Подойдя к нам, он скромно остановился на расстоянии и шепеляво спросил:

- Щупровшкий шарай где?

Мы напряглись, не понимая. У мужика, видать, каша во рту, или зубов не хватает.

- Щупров ждещь жил, шарай жа ним ошталшя, - пояснил незнакомец.

- Чупровский сарай? - догадалась Зойка и глянула на меня, потому что мы жили в бывшей квартире Чупровых.

Я показала на первый из дровяных сараев, рядком вытянувшихся вдоль глухой кирпичной стены.

- Не этот, другой! - помотал головой дядька.

Я пожала плечами.

- Там, за углом! - Фомка, все знавший у нас во дворе, показал на закуток за сараями.

Дядька с пакетом двинулся в указанном направлении, Фомка, как водится, увязался за ним. Компания наша распалась. Мы чуток еще посидели и разбрелись.

Фомка окликнул меня с крыши своего дома.

- Этот бомж будет жить в сарае, - сообщил он.

- А-а, - не вникая, отозвалась я, направляя коляску к сеням. Фомка сопровождал меня поверху.

- А Зойка сама к тому побежит, по всему видно, - сказал он.

- Тебе-то что, - равнодушно ответила я.

- Надо не прозевать, - озабоченно произнес Фомка.

- Тебе-то что? - с раздражением повторила я.

- Можно доход поиметь!

- Мал еще в сутенеры записываться, - буркнула я. - И, поняв вдруг, насколько это у него всерьез, пригрозила:

- Против Гали что задумаешь - отколочу костылем.

Фомка, довольный, оскалился. Он был увертлив. Но я знала, что догоню и отколочу. Папа заканчивал делать коляску-самокатку.

Дома я предупредила папу и бабушку, чтобы Фомку больше на порог не пускали. И еще заказала папе складной костыль.

18 мая 1997 года

Юля Тательникова пригласила меня в театр, они с Колей Бехтиным почти целый сезон там отработали. Сначала танцевали в новогодней детской сказке, а потом и в других спектаклях, где требовались танцевальные номера. Их даже пригласили на гастроли. А сегодня, на закрытии сезона, они сопровождают своим выступлением заключительный концерт.

Юле хочется, чтобы я на них с Колей посмотрела, и потому она через своего папу, не то художника, не то главного бутафора, выбила мне пригласительный билет. Предполагаю, что это было обставлено как благотворительная акция для девочки-инвалидки. Мое инвалидское кресло в проходе зрительного зала призвано умилять взоры сентиментальной публики, которая придет проститься с театром до осени. Пусть так, зато я наконец-то побываю в отреставрированном здании театра. Юля говорит, что теперь там очень красиво. Еще бы, ремонт так долго делали!

Папа пешком довезет мою коляску. Театр от нас близко: по переулку до угла, а потом квартал по улице, выходящей прямо на театр. Перейти мостовую - и все.

Бабушка выдраила коляску, как главный атрибут моего внешнего вида. Оделась я, чтобы подыграть публике, этакой девочкой-паинькой: красные лакированные туфельки, белые высокие гольфы, красная плиссированная юбочка, белая блузка и красный жилет - Красная Шапочка с цветком в волосах вместо шапочки. Папа в восторге от моего наряда, а благородную публику, я думаю, до слез растрогает несчастная участь прехорошенькой девочки. Желаю умиляющимся не размыть слезами косметику.

Папа привез меня ко входу, вкатил коляску по ступенькам, и мы закружили по фойе. Мне захотелось взбежать по лестницам на балкон и оттуда, почти у самого потолка, рассмотреть знаменитую люстру, купленную,

как писали газеты, в Испании.

Концерт составляли сцены из спектаклей нынешнего сезона, разбавленные танцевальными и иными развлекательными номерами.

У Юли с Колей и у тех, кто танцевал с ними, было много выходов и костюмных перемен. Танцоры кружились и прыгали среди дыма и световых переливов. Было таинственно, празднично и красиво. Мне нравилось, как и что делали Юля с Колей на сцене. Я глядела на них и думала, что я теперь зритель во всех отношениях - и в искусстве, и в жизни. Зритель - и только...

После представления мы с папой пережидали отток публики. И тут к нам, в том же костюме, в каком выходил в финале на сцену кланяться, подбежал Коля. Вероятно, спешил застать нас. Я, не давая раскрыть ему рта, засыпала его комплиментами. Немного погодя, с перепуганным лицом, принеслась по паркету Юля, тревожно взглядывая на меня и на Колю: не случилось ли в ее отсутствие между нами с Колей чего-то непоправимого? Я и на нее высыпала свои зрительские восторги. Папа терпеливо позволял нам наговориться, полагая, что общение с бывшими друзьями доставляет мне удовольствие. Но я тронула колеса, сдвигая коляску с места, и папа меня повез.

- Я приду к тебе! - крикнул вдогонку Коля, наконец-то получивший возможность подать голос.

- Да, мы с Колей к тебе придем, - поправила его Юля.

Дорогой папа молчал, понимая, какая кошка скребется мне в сердце.

Когда мы подъезжали к дому, из нашего двора выехала знакомая белая «Тойота». «Зачастил», - подумала я, возвращаясь в более привычную роль - зрителя жизни.

Во дворе была только Зоя. Разметнув руки, она кружила на месте и в синеющих сумерках была похожа на большую птицу. Завидев нас, Зоя подбежала, обняла меня и зашептала на ухо:

- Я с ним познакомилась!

- Поздравляю, - машинально ответила я, подозревая, что ничего хорошего из этого не выйдет. Как и из того, что Коля придет ко мне. Наши с ним жизни уже разошлись.

Из Зойкиных объятий я видела впереди на стене темнеющую фигуру. «Так-таки следит», - отметила я про себя. Но когда мы с папой подъехали к нашему дворику, Фомки на крыше уже не было.

19 мая 1997 года

Галя забрала меня со двора и повезла к себе.

- Как зовут твою прабабушку? - спросила я у нее по дороге.

- Бабуля, - простодушно ответила Галя.

Дорожка к ее дому вилась между палисадниками и была выложена спаренным рядком кирпичей. Коляска не вмещалась на этом настиле, но и между колес кирпичи не проходили. Галя везла коляску с наклоном: одно колесо на кирпичах, другое на земле.

У крыльца нас встретила Галина мама.

- Мам, как нашу бабулю зовут? - спросила Галя.

- Анна Васильевна.

- Ой, правильно! - спохватилась Галя. - Она же у нас баба Нюра. Как это я не сообразила?

Галина мама и Галя втащили коляску на высокое крыльцо бывшей гостиницы, откуда в моем воображении молоденький казачий офицерик прыгал в ожидавшие его сани. Галя ввезла меня в маленькую светелку большой квартиры. Летом в квартире оставались жить одни женщины: прабабушка, мама и Галя с младшей сестренкой. Галин отец старательствовал где-то на Севере.

Прабабушка Анна Васильевна сидела в узком промежутке между кроватью с высокими никелированными спинками и комодом, на стуле с подложенной на сидение подушкой. Старушка была маленькой и худенькой, подушка торчала из-под нее с обоих краев.

Галя развернула меня лицом к старушке и сказала:

- Бабуля, я вам слушательницу привезла. Рассказывайте ей, сколько захотите.

- А что рассказывать? - спросила старушка.

- Что душе угодно, - ответила Галя и, предупредив меня, чтобы я крикнула, когда мне надоест слушать, вышла.

- Чья же ты будешь? - с любопытством спросила старушка.

- Я Соня Малышева.

- Таких не знаю, - покачала она головой.

- Мы недавно в ваш двор переехали.

- А где ж ты живешь?

- Напротив вашего дома, у кирпичной стены за углом.

- Поняла, - кивнула старушка. - У Наденьки Сумской стоите.

- Нет, - возразила я. - У Сумской окна во двор, а наши на улицу.

- Поняла, поняла, - сильней закивала старушка. - Я не о нынешней Сумской говорю, а об ее двоюродной тетке, чекистке. Они как раз окнами в улицу жили.

- Если это была ее тетка, что ж она на нее злится? - вырвалось у меня.

- Наследство все делит, - проговорила старушка. - Они, Сумские, из-за наследства все перессорились. Лютее врагов сделались. Наденька пистолетом их разнимала. Деда нынешней Сумской, своего дядьку, посадить грозилась. На всю жизнь перепугала! - Старушка, казалось, нырнула в прошлое, как рыба в воду.

- А что, Сумских здесь много было? - поинтересовалась я.

- Почитай целый двор, и за кирпичной стеной тоже. Кто не от корня, и тот Сумским писался. А в революцию давай назад переписываться. Я ведь... - старушка таинственно понизила голос, - ...по рождению тоже Сумская, но не признанная... Мой зачинатель Иона Маркелыч Сумской - хозяин двора, корень всему тут. А записана я была по его кучеру - Ферапонтовой Анной Васильевной. Иона Маркелыч стариком уж меня прижил. Вдовым был, трех сыновей поженил, внуков уж принял. Мама моя, Полина Игнатьевна, горничной у него служила. Из деревни ее в наймы на постоялый двор привезли. Иона Маркелыч хотел ее поломойкой в гостиницу определить, да пожалел, молоденькая больно, лет пятнадцать всего. В хозяйский дом взял в горницах прибираться. А когда грех обозначился, за Василия, кучера своего, замуж отдал. Мама моя Василию очень нравилась. И что на сносях - не обиделся. Меня, народившуюся, как родную принял. Ни разу не попрекнул, словом не обозвал и любил наравне со своими детьми. Я в родителях - отце, матери - счастлива была, но мне рано шепнули, чья по-настоящему я дочь. Бывало, ребятишками по двору гоняем, двор в те времена большущий был, кони были, огородов еще не копали, это в революцию стали копать. Ребятишек набиралось множество. Тут и Сумские внуки, и ямщицкие дети, и поварские, и гостиничные. Наденька Сумская тоже с нами бегала, года на два старше меня была. У ее, бедной, ножка взялась болеть, так она прихрамывала. Ты, я гляжу, тоже ногами страдаешь? Одна или обе болят? - отвлеклась от воспоминаний старушка.

- Одна, - сказала я. - Сустав сломался, лечусь. А Наденька вылечилась?

- Лечили, - заверила старушка. - На воды возили, на грязи. Отец ее, Каллистрат Ионыч, горным инженером был, знал, где какие воды, где какие грязи. Совсем-то не вылечили, но хромоту поубавили. Ее потом даже на военные парады брали, она строю не портила. А больше на конях выступала, из пистолета стреляла, недостатком своим не смущалась. Очень знающая была. Ее от нас в Хабаровск забрали, а там и в Москву. Она родителей с собою взяла, а квартиру чекистам оставила. Сумские за это на нее обозлились. Чего только вслед не плели. От этого, видно, она никогда больше тут не показалась, обиделась или не захотела.

Она так и светилась радостью этого воспоминания. Кем была для нее Наденька? Яркой звездой молодости, недостижимой вершиной, единственным близко соприкоснувшимся с ней большим человеком?..

Бабушка так была упокоена возрастом, что все зем-

ное для нее улеглось и остыло, даже морщины на лице разгладились. Теплилось в ней только памятное, давно пережитое и ставшее для нее вечным. Только оно было ее жизнью и ее интересом, только его она пережевывала с утра до вечера и ночью. Ничто другое в нее уже не войдет и не вместится, проживи она еще хоть сто, хоть двести лет. Ее человеческие часы еще тикают, но времени уже не показывают.

Я мысленно сравнила эту старушку с бабкой Сумской. Та, конечно, помоложе, но тоже вся в прошлом. Правда, оно для нее еще живое и живущее. Она полна к нему ревнивого чувства, пытается вмешаться и что-то в нем переделать. Ее лицо все в морщинах от неутихающих страстей, а выражение его злое, потому что она не может ни совладать с прошлым, ни успокоиться в нем. А у этой бабушки лицо доброе не только потому, что она ото всего отошла, но и потому, что, остыв для зла, для добра она не остыла. Но вполне вероятно, что зло не играло ею и в молодые годы. У Гали, ее правнучки, в лице нет ни капельки злости...

А старушка помолчала немного, моргая выцветшими глазами, и двинулась к другим образам и событиям. Память, видно, как и жизнь, не стоит на месте.

- Я про Иону Маркелыча говорила, как он меня не признал, - вернулась к недосказанному бабушка. - Бегаем мы по двору... к вечеру все тут собираемся, чтобы не пропустить, как Иона Маркелыч с торбочкой на крыльцо выйдет. Тоже любил позабавляться с детьми. Крыльцо у него, как церковная паперть, углом на две стороны. Сядет на него, а мешочек с гостинцами рядом поставит. Мы завидим мешочек - и ну носиться, ну звенеть голосочками. Хозяин смотрит на нас, тешится. Сам старый уже, борода с проседью, красная рубашка из-под поддевы навыпуск, сапоги высокие, голенища гладкие и блестят. Поглядит-поглядит и выкликать принимается по одному. Первым обязательно Стасика позовет, Матилькиного ребенка. Сыном его считал. Да где там сын, вылитый Осип Браницкий. По всем ухваткам Браницкого сын и такой же убивец, как тот. Стасик в девятьсот четвертом родился, как и Наденька, а я в девятьсот шестом. Матилька когда понесла, то грех на Иону Маркелыча свалила. Тот вину за собою признал. Тогда она запросила за Оську Браницкого ее выдать. Поляк такой был, Йозеф Браницкий, все его Осипом звали, в приказчиках у хозяина служил, хитрый, как лис, еще похитрей, чем она. Сам, небось, Матильку на женитьбу подбил, чтобы через нее богатства из Ионы Маркелыча вытянуть. Хозяин их поженил и у себя поселил, не захотел со своей разлюбезной расстаться. А ей, видать, старый хрен надоел, да и вытянула она уже из него порядком. Представилась честной женой, не идет, не тешит, хозяина не балует. Он горевать, а она, лисья порода, заместо себя девчоночку беззащитную подтолкнула. А когда мама моя забрюхатила, оклеветала ее перед хозяином, сплела, что она с конюхом Василием путается. Вот он и отдал маму без благодарения и без подарков, а меня за свою не признал. А Стасика, чужого ребенка, признал, хоть и под другой фамилией. Любил его сильнее родных сыновей, сильнее внуков. Позовет к себе и одаряет. В карманы насует, в картуз насыпет, в руки накладет. Потом поочередно внуков угощает, уже меньше дает. Остатки другим детям отдаст, кто приятнее его потешил. Меня ни разочку не выкликнет, не одарит. А я уже слышала, кем ему довожусь, и гадаю себе, отчего ж он меня не приметит? Однажды насмелилась, сама подошла. «Ты чья ж?» - спрашивает. А я ему: «Полины Ферапонтовой дочка». Он поглядел на меня, губами пожевал и говорит: «Ну, ступай». Так ничего и не дал. Ну я к нему больше не подходила, и без сладостей не бывала. Наденька со мною делилась. Подхромает к старому и скажет: «Деда, мне две порции дай». «За что ж тебе честь такая?» - спросит. А она: «За то, что я у тебя любимая внучка». А он: «Кто ж тебе такое сказал?» - «Я сама знаю», - ответит и дерзко так на него глядит. Ну, он не возражает, дает. Упрямство, что ли, в ее глазах видел или за хромоту жалел. Маме я не рассказывала, как Иона Маркелыч меня обидел, догадывалась, что ей не понравится. Про него она и слова ни разу не произнесла, будто его не было в ее жизни. И мне намека не подали - ни она, ни отец. Так и умерли, не сказавши, думали, что и я не знаю. О Матильде мама высказывалась, «змеей» ее называла. Помню, раз всего было, Матильда к нам прибегала, отца дома не было, маму просила: «Поди, скажи ему, скажи!» - кому и что скажи, этого я не поняла. Брошку с себя отцепила, маме совала. Разряженная ходила, как новогодняя елка, а тут брошки не пожалела, видать, припекло чем-то. Мама брошку не приняла и не пошла, куда та просила. Непрощаемую обиду на нее держала. Бог покарал бесовку. От руки хахаля своего ненаглядного, мужа беглого, смерть приняла. Только не скоро это случилось. А до той поры скольких людей она задурманила и погубила! Сумские, считай, через нее перессорились и в разор впали. Иона Маркелыч, бывало, гордился, сколько всего он на свет пустил. А кого пустил - разорителей? Кроме Наденьки и ее отца, толку ни из кого не вышло, все в сорную траву перевелось.

Старушка пожевала губами, покачала головой.

- Я как задумаюсь, кто тут жил, что делал, да что из этого вышло, то и скажу так: Иона Маркелыч, Иона Маркелыч, где твое племя? Ты вот меня не признал, а я, худобедно, твое семя в племя оборотила! Только корешок у нас не с Сумской, а с Ферапонтовой фамилии зачинается. И отчество у меня не твое, а батюшки дорогого, Василия.

- С этим отчеством вам лучше, - сказала я.

- Лучше, лучше, - прокивала старушка. И, встрепенувшись, спросила: - Ты меня слушаешь?

- Слушаю очень внимательно.

- А родные мои не слушают. Старое им не интересно. Я молодою тоже не очень-то старое праздновала, а теперь гляжу - и вокруг себя вижу вечное. К Гале подружка ходит, глаза дымные-дымные, - не поймешь, зло в них или добро. Вылитая Матилька. Говорю внучке: не дружи с нею, предаст. А она сердится: «Бабуля, ты устарела, теперь другая жизнь и другие люди». Никак не втолкую ей, что она через час глядит, а я через время смотрю.

«Это же Зойка Браницкая», - догадалась я. Подумав, спросила:

- Бабушка, а кто была эта Матилька?

Старушка трепыхнулась, словно гадину какую перед собой увидела, но неприязненное чувство преодолела и с охотой заговорила:

- Кто ее знает, чужеземная женщина, на вечное поселение сюда сослана. Иона Маркелыч где-то ее присмотрел и в свой двор переманил. Она у него в заведении пела и в номерах, когда особо просили. Иона Маркелыч ею гостей заманивал. Улица тогда Офицерскою называлась, и народу всякого: офицеров, купцов, проезжающих, кого только не собиралось. А Матилька, полное-то ее имя Матильда, им пела. Под цыганку рядилась. Черные волосы лентой красною уберет, бус целый ворох навесит, на плечи пеструю шаль бросит, на коленях гитара - и саднит, надрывает душу песнями всякими. На разных языках могла. Сама то ли полька, то ль молдаванка, Крым и Рым прошла. Поначалу большую выгоду Ионе Маркелычу приносила, а как силу над ним взяла, все на убыток пошло. Я-то помню Иону Маркелыча уже пошатнувшимся. Гостиницу в доходный дом перевел, ресторацию закрыл и детей своих в ней поселил. В одну половину Венедикта, в другую Каллистрата, а между ними внуки от старшего сына Авенира всунулись. Сам-то Авенир на другой половине отцовского дома остался. Нынешняя Сумская, соседка ваша, - Авенирова внучка, Ионы Маркелыча правнучка. От Авенира и его детей род Сумских еще кое-как плетется. У Каллистрата Наденька-чекистка одна дочка была. Уехали они, что стало - неизвестно. Венедикт в империалистическую погиб, дочки его замуж повыходили, фамилию потеряли. Иона Маркелыч вдовый был, Матильку к себе приблизил, Стасик при нем. А мужа ее, Оську Браницкого, он всякий раз высылал. То на пароходы устроит, то к купцу какому по торговой части прилепит, то на прииска ушлет. Тот угрем вывернется и домой. У Матильки деньги вытянет, в бега пустится. Ионы Маркелыча денежки уходили.

Авенир Иоыч застрелить Оську грозился. А тот в ответ: «Я имя ублюдку вашему дал. Вы мне по гроб жизни обязаны». А где там ублюдок, вылитый Оська! С Матилькой, Оськой и Стасиком Иона Маркелыч докуку себе на старости принял. Ямщицкую часть распродал - дома и конюшни. Сыновья наследства требуют, а какое наследство, когда он с обузой своей не разделается. Ну и придумал сказать, что деньги и драгоценности под ресторацией спрятаны, а где - позабыл, сами ищите!.. С тех пор между братьями вражда началась. Один одного в находке подозревает. Венедикт еще до фронта подполье перекопал, Авенир у детей под квартирами прошарил. Каллистрат, неизвестно, искал или нет, но под свою половину никого не пустил. Братья чуть ли не с дубьем друг на друга пошли. Наденька подросла, пистолетом родных отгоняла. А когда уехала и квартиру чекистам оставила - и вовсе невозможно стало подсунуться. Так и не узнали правды: было в подполье что-нибудь или нет. А потом и сами Сумские перевелись.

Старушка вздохнула, скорбно посмотрела на меня и продолжала:

- После революции Матильке амнистия вышла, она со Стасиком на родину засобиралась. Осип вызывался до места сопроводить. Но до чего ж подлая душа был, не дотерпел, когда выедут, прежде времени обобрал, все ценное, годами накопленное выкрал и удрал. Матилька в слезы и крик. Авенир пустился догонять вора - отцовское ведь барахлишко. С год пропадал, вернулся - и ни слова: отобрал или нет. Но видно, что не удалось. Отощал в дорогах, поизносился, лицом пострашнел. Всякого, рассказывал, натерпелся и насмотрелся, Матилькино добро перед теми страстями растоптанного плевка не стоит. Про Оську говорил, что скорее всего тот отдал Богу душу, потому что видел, как военные ребятки его уводили.

Делать нечего, Матилька тут осталась, старика доглядывать и сына подымать. Иона Маркелыч в двадцать третьем году помер. Авенир хотел Матильку в квартире стеснить, но Стасик уже подрос, не позволил. К этим годам он уже бандюгой сделался, всю округу в страхе держал. А у нас во дворе тихо. Чекист да бандит - две охраны. Стасик перед Наденькою как вкопанный. Тенью за ней ходил, от вражьего глаза берег. Воры да налетчики все знали, что она под защитой самого Браницкого. Он ведь у себя тоже главарем был. А вот для себя не сохранил он ее, уехала она. Стасик с горя женился. Сынок у него народился. Я тоже замужем уж была, двух ребятишек имела. Тут Осип-ворюга вновь объявился. За последним к Матильке пришел. Недоучел, видно, кем его сын заделался. А может, некуда было деваться. Матилька через неохоту его приняла, любила ведь прежде. Стасик ночью отлучился, у Матильки с Оськой разговор вышел, не поладили. Он со злости ножом ее ширанул, зарезал насмерть. Жена Стасика с ребенком спали. Оська квартиру обшарил и в бега. На рассвете Стасик приходит, мать мертвая. Всех воров на ноги поднял, в два счета Оську нашли и прирезали. А мать Стасик похоронил, плакал над ней и сам недолго пожил, в молодые годы загиб.

Старушка от рассказа устала, утомленно на меня взглянула и подытожила:

- Вон какие страсти в нашем дворе кипели. Книга целая без начала и без конца.

- Бабушка, бабушка, - позвала я, видя, как рассеивается ее внимание. - У нас еще один Сумской во дворе появился.

- Кто же такой? - встрепенулась она.

- Нашей Сумской внучатый племянник.

- Авенирово племя, - заметила себе бабушка. - Хотелось бы поглядеть, да небось не увижу.

В комнату вошла Галя с едой на подносе, глянула на старушку и ахнула:

- Ой, бабушка, до чего ж вы себя истомили!

- Всю дворовую жизнь обсказала, - похвалилась старушка.

- Разве можно столько времени говорить? Около трех часов болтаете, - укоризненно сказала Галя. - Давайте-ка живее кушайте и отдыхайте.

Она устроила бабушку за столом, а меня увезла на кухню пить чай.

Дома я с подозрением покосилась на гитару. Меня охватили сомнения: Ларису ли Огудалову я изображала - или целую зиму мною владела Матильда? Надо прекращать ворошить прошлое. Рано мне вокруг себя видеть вечное.

23 мая 1997 года

Я занята, езжу в свою бывшую школу, пишу контрольные, сдаю зачеты за восьмой класс. Во дворе не бываю. Юля Тательникова упросила меня принять их с Колей: они уезжают с театром на гастроли, а Коля до отъезда хочет со мной поговорить. Устраивая свидание, Юля нервничала, удивляясь настойчивости Колиного ко мне интереса.

- Его беспокоит чувство вины, - объяснила я.

- Но он же не виноват! - Юля навела на меня круглые глаза с черными глянцевитыми радужками и ослепительными, как у негритенка, белками.

- Это не я его виню.

- А кто же?

- Он сам. Но ты не переживай, я успокою его совесть, он больше не захочет меня видеть.

Юля глядела на меня недоверчиво, но я с честным видом переносила ее взгляд.

- Нас уже ничто с ним не связывает, а в будущем мы и вовсе разойдемся по разным дорогам, - убеждала я. - Он увидит, где я живу, какие у меня интересы, и отвернется.

- Но я же не отвернулась, - возразила Юля.

- Мы с тобой почти соседи. Другой подружки-соседки у тебя ведь нет?

- Нет, - согласилась Юля.

- В этом наша с тобой общая точка, одна-единственная. А с ним в чем у нас общие точки? Ни в чем.

- В таких вопросах не общие точки, а общие симпатии роль играют, - возразила Юля.

- С моей стороны симпатии нет, - не дрогнув, соврала я.

- Не всяким заверениям можно верить, - усмехнулась Юля.

- Хорошо, - сказала я. - Ты приводишь Колю, я его встречаю, а там будь, что будет.

- Нет-нет! - вскинулась Юля. - Ты уж держи себя с ним, как обещала!

Что ж, я сама загнала себя в угол. Придется исполнять обещание.

Я попросила Юлю, чтобы они пришли к нам через вход с улицы: мне не хотелось, чтобы во дворе увидели Колю. Бабушке наказала испечь ее коронные крендельки. А себя решила нейтрализовать до такой степени, чтобы он во мне вообще не увидел девочку. Как ни было мне жалко, но я срезала свои пышные волосы, помогавшие мне видеть в себе Ларису Огудалову, так неожиданно обернувшуюся Матильдой Браницкой. Я уничтожала в себе сразу два этих образа и, в некоторой степени, свой собственный. Надела то, в чем во двор выезжаю, - рубашку, брюки, ремень. Этот облик выбьет из Колиной памяти представление о девочке, которая с ним танцевала, и, может быть, - на что я чуть-чуть надеялась, - заронит интерес к новому, переменившемуся человеку. Я ведь уже не та, я ведь совсем-совсем другая. Не исключено, что получше, чем та.

Гостей я встречала, стоя на костылях и на одной ноге. На очень даже дружеской ноге. Вторая же мирно и без проблем свисала рядом, не возбуждая к себе вопросов. Я делала вид, что всем довольна, ни о чем не задумываюсь, живу текущей минутой. Болтала о пустяках. Юля с удовольствием подхватила этот тон, а Коля его не преодолел - не захотел или не смог. Мы все прошли по тонкому льду, не проломив его и не замочив ног. Моя дипломатия удалась. Но мое новое обаяние - возымело ли оно действие?..

В заключение мы пили на кухне чай с бабушкиными крендельками. А еще через некоторое время я проводи-

ла гостей. На тротуаре мы попрощались. Я, на костылях, глядела вслед уходящим.

Вдруг Коля, сделав несколько шагов, обернулся и сказал:

- Я приду к тебе!

Юля сделала мне протестующее лицо. Я подняла руку и пошевелила пальцами, не то прощаясь, не то давая разрешение.

Дома я лихорадочно заходила по комнатам, то и дело натыкаясь на бабушку. Она, наконец, не выдержала и сказала:

- Соня, иди топать во двор, там места больше.

И во дворике я продолжала нервно мерить костылями пространство от сеней до калитки и обратно.

- Эй! - раздалось сверху.

Фомкина голова, как тыква, покоилась на ребре стены.

- Чего ты такая грустная? - спросил он.

- Не выдумывай, - проворчала я.

- А я знаю с чего, - дразнил он.

- Глупости, - отмахнулась я, продолжая мерить дворик.

- Я видел, как от тебя вышли двое, - ухмыльнулся Фомка.

- Ну и что? - небрежно бросила я.

- А то, что их двое, а ты одна.

- Ты и за мной подсматриваешь? - разозлилась я.

- Не тебе одной про все знать. Мне тоже кое-что интересно, - задетый, проговорил он.

- У тебя интерес от безделья, а у меня познавательный, - возразила я.

- Ничего себе познавательный, - скривился он, - бабку Малахову до полусмерти уговорила.

- Что с ней? - встрепенулась я.

- Помирает. Родственники уже собрались.

Я развернула костыли и двинула к выходу.

- Постой! - крикнул Фомка, во весь рост подымаясь над стеной. - Ей ты уже не поможешь, лучше со мной поговори.

- Потом, - отозвалась я на ходу.

- Правда, поговоришь?

- Правда, - не помня себя, пообещала я.

По кирпичной дорожке я торопливо доскакала до Галиного дома. Подняться на крыльцо не решилась, а завернула за дом и подошла к кухонному окошку. Если кто-нибудь выглянет, скажу, чтоб позвали Галю. Выглянула сама Галя. Я подала ей знак выйти. Она появилась на крыльце в долгополой юбке и белой блузке, с неизменной косичкой и спокойным, как всегда цветущим лицом. Печали или скорби - ни малейшего оттенка.

- Правда, прабабушка помирает? - спросила я.

- Да, - подтвердила Галя.

- Из-за меня? - сердце у меня дрогнуло.

- Мама говорит, благодаря тебе. Но ты не думай, никто ни в чем тебя не винит. Она б давно померла, если б кто ее выслушал. А мы все отмахивались, все некогда было. Она свое тебе рассказала, и ей незачем стало жизнью себя канителить.

- Можно мне с ней проститься? - спросила я.

- Бабуля уже отходит. Но я скажу маме, может, она позволит, - пообещала Галя.

Мама позволила, и Галя отвела меня в комнату умирающей. Там было тихо-тихо, только часы осторожно и нежно тикали.

Бабушка лежала на своей кровати с никелированными, замысловато переплетенными спинками, еще живая, но уже, как мертвая. У бабушки в ногах на стуле сидела пожилая родственница. Мои костыли, хоть я и старалась ступать бесшумно, внесли в комнату новый звук. Бабушка его услыхала и открыла глаза, похожие на замутненные лужицы. Они отрешенно глянули на меня и вдруг засветились.

- Наденька, - прошептала старушка, - Наденька...

Господи, неужели я вправду так похожа на ту неведомую мне Наденьку, которую умирающая видела сейчас перед собой? Мне стало не по себе... Видение наполнило ее счастливой и светлой радостью. Просияв на мгновенье, она утомилась и закрыла глаза, сохранив на лице выражение благостного успокоения.

«Путь тебе добрый, бабушка», - мысленно пожелала я.

Во дворе мне навстречу попался бомж Сережа и словно набитым кашей ртом проговорил:

- Померла штарушка или нет еще?

- Нет еще, - с недоумением глянула я на дворового поселенца.

- В таких шлущаях я нужен бываю, - объяснил он.

- Скоро понадобишься, - пообещала я.

28 мая 1997 года

Я по-прежнему отчитываюсь за восьмой класс. Жизнь во дворе течет без меня, но кое-какие слухи доходят. Бабушка принесла весть, что Сумская нахваливает племянника - навещает, мол, часто и продукты привозит.

- Видно, на квартиру нацеливается, - подытожила бабушка.

- Нужна ему такая квартира, - хмыкнула я.

- Продаст - все деньги! - рассудила бабушка.

«Значит, ездит», - отметила я для себя.

Фомка с крыши подает знаки, чтоб вышла. Я знаками отвечаю, что некогда.

Умерла бабушка Малахова. Весь двор, кроме Сумской, ходил с ней прощаться.

Зойка все-таки села в машину Игоря, а на заднем сидении, к их удивлению, обнаружил себя Фомка.

- Тебе чего? - не обрадовался находке Игорь.

- Выйдем - скажу, - не смутился Фомка.

У сумсковского палисадника они объяснились.

- Ты девочку не с улицы берешь, не из грязи, а с чистого места, платить надо, - заявил Фомка, посвечивая прозрачным нимбом.

- Кому платить? - невозмутимо поинтересовался Игорь.

- Мне, - выпалил светоносный мальчик.

- За что? - нахмурился Игорь.

- Тут мой курятник, я пасу, - деловито пояснил Фомка.

Сумской усмешливо глянул на пацана и полез в карман.

- Вдвойне плати: за до и за после!

- За после-то почему? - не понял парень.

- Потому что пожелаешь ее при себе оставить, а это тоже не задаром.

- Все ты, поганец, знаешь, - проговорил Сумской. Выбрал кое-что из найденного в кармане, сунул в руки Фомке и пошел.

- Мало, - крикнул тот.

- Я бы вообще не дал. Это аванс за будущие услуги по твоему курятнику, - обронил на ходу Игорь.

Зойка узнала о сделке и, вернувшись домой, поймала Фомку в закутке за сараями и отдубасила на виду у пораженно таращившего глаза бомжа Сережи. Зойку разозлило не то, что Фомка на ней заработал, а то, что он поставил под сомнение ее независимость.

Подравшись, они не поссорились, а преданно принялись служить одному человеку.

25 июня 1997 года

Мы с мамой вернулись из санатория, где лечились грязями и принимали ванны. Когда папа привез нас с вокзала, мы застали наш дом приготовившимся к длительной обороне. Все окна, в том числе и в моей комнате, были забраны решетками. Стены сеней с внутренней стороны также укреплены решетками. В дополнение к прежним дверям навешены новые, решеточные, к ним приварены запоры, старые двери отремонтированы, подбиты плотным слоем, вставлены новые замки. Не дом, а крепость.

- Что здесь происходит? - поразилась мама.

Папа рассказал, что Игорь Сумской приходил к нему с предложением обмена квартиры, предлагал разные адреса. Папа все их отверг. С этого момента у них с бабушкой началась беспокойная жизнь. По ночам в сени ломились, в крышу летели камни, на чердаке колотились, из подполья скреблись, в окна совались страшные рожи, стекла били, двери со двора и с улицы подпирали - утром

невозможно бывало выйти. Папа стал носить с фирмы трубку сотового телефона, по ночам вызывал милицию. Приезжали, никого, разумеется, не находили, но квартиру под наблюдение взяли. Несколько раз за ночь патрульная машина объезжает наш квартал.

Как папа понял, Сумскому хочется теткину квартиру объединить с нашей. То ли его выход на улицу соблазняет, то ли ему глубокий подвал нужен, потому что он настойчиво просил показать ему подполье. Когда папа загородился, а милиция взяла наш дом под наблюдение, днем к бабушке стали стучаться какие-то личности, представлявшиеся специалистами горжилуправления, и тоже интересовались подвалом. Бабушка никого не пустила. Во двор явилась не то топографическая, не то геодезическая группа, брала на анализ грунты и тоже просилась в подвал. Бабушка и им не открыла.

Сумской предлагал для обмена не лучшие варианты. Среди адресов была даже двухкомнатная коммунальная квартира, но в такой застарелой хрущобе, с такими низкими потолками, что мама, не любившая нашей квартиры, услышав адрес, знобко повела плечами. Бабушка в свою очередь рассказала, что Сумская прекратила с ней отношения, не разговаривает, не здоровается и смотрит на нее как на заклятого врага.

Я ушла в свою комнату поразмышлять над услышанным.

Все, конечно, идет от старухи Сумской. Задобренная племянничком, она, наверно, открыла ему семейные тайны и, возможно, подбила вернуть один из прадедовских домов или хотя бы часть его, как раз в половине, не обследованной кладоискателями. Поэтому они так упорно лезут в подвал. Игорь опасный враг, не зря же с первого взгляда он показался мне отморозком. Сможет ли папа с ним сладить? Надо рассказать папе о кладе. Может, нам удастся убедить Сумского в бесполезности поисков, а может, разрешить ему поискать в подвале? Но прежде надо вызвать на откровенность Фомку. Наверняка, без него тут не обошлось.

Во дворе я нашла такие же укрепления. Папа укрепил штакетниковое ограждение дополнительной изгородью из длинных металлических прутьев и сделал высокую решетчатую калитку на железных столбах. Калитка защелкивается, и снаружи открывать ее надо ключом. Честный человек запросто к нам не пройдет, а для Фомки папины ухищрения не препятствие. Хоть папа и снес вихляющую беседку, расчистив угол, но Фомка пройдет по крыше сарая и спустится по железному столбу калитки. Если бы не нога, и я бы так же смогла. У Фомки еще один путь есть: по крыше наших сеней. Короче, от Фомки нет никакого спасения. Только психологически возможно на него повлиять.

Я, конечно, предполагала, что Фомка меня уже выследил, и ожидала его. И все-таки его «Эй!» прозвучало для меня неожиданно.

Он стоял в полный рост на стене и улыбался мне сверху. Я тоже поймала себя на мысли, что соскучилась по хитроватой его рожице. Если бы я показала ему свою радость, то мы бы, наверно, разоткровенничались, но я принялась пепелить его взглядом, распаляя в нем чувство вины. И Фомкина улыбка остыла, глаза сузились до щелочек, и в прорезях засверкали искры, будто бы там шла газосварка. Это все, чего я добилась.

- Мы враги, Фомка? - спросила я.

- А ты как хочешь? - насторожился он.

- Я хочу, чтобы ты со мной был откровенен.

- Я же тебя просил, чтобы ты со мною поговорила, а ты что? - напомнил Фомка.

- У меня были дела, - поняла я свою промашку.

- Ну и все теперь... - он отвел глаза в сторону.

- А «все» - это что, худой мир или добрая драка?

- Лучше уж худой мир, - хмыкнул Фомка.

- Раз мир, то ты не совершишь против меня и моей семьи ничего плохого? - нажимала я.

- Этого, Хромоножка, я тебе не обещаю, - понуро объявил он.

- А шуметь на чердаке, бросать камни и бить стекла ты хоть не будешь? - добивалась я.

- Лучше съезжайте отсюда. Все равно вам тут жизни не будет, - уклонился он от ответа.

- Ты этого хочешь? - спросила я.

- Не хочу, но от меня ничего не зависит, - он опять отвел глаза.

- Тогда передай тем, от кого зависит, что папа мой крепкий орешек, и я тоже, - и я взялась за костыли, чтобы от калитки идти к дому.

- Есть кто и посильнее вас, - проронил сверху Фомка.

- Посмотрим, - сказала я уже на ходу.

- Я предупредил, - буркнул Фомка.

- Я поняла, - ответила я.

29 июня 1997 года

Ко мне пришла Галя Малахова. Я глазам не поверила, что с ней за месяц сделалось. Она исхудала, юбка и блузка висят балахоном, лицо бледное, радужки глаз не плавятся ирисками, с волос сошел блеск, и косичка не пушится. Что с ней такое?

В ответ на мое потрясение Галя криво усмехнулась и сказала:

- Проститься пришла, уезжаю. А куда - не скажу. Никому не верю, и тебе тоже. Но с тобой я хоть поделиться могу. Ты ведь была, когда Сумской в первый раз сюда приезжал. Помнишь, как он на меня глянул? Как дьявол... С этого разу я, не знаю чего, но стала бояться. Тут еще бабуля умерла. У меня на душе так тяжко, что и выходить никуда не хочется. Ни с того ни с сего Зойка к нам зачастила. Ласковая такая, гулять тащит. А на ней чего только нет - и серьги, и браслеты, и ожерелье - все из дутого металла и блестит, как на елке.

Я растерянно посмотрела на нее. «Как на елке»... Надо же, Галя говорит словами своей прабабки, а Зойка ведет себя, как ее, Зойки, прабабка - Матилька... Неужели и передо мной встало вечное?..

Галя продолжала рассказывать:

- Зойка давала браслет поносить. Я его нацепила - он как сдавит мне руку. Я скорей снимать - и не пошла никуда с Зойкой, не доверилась. Знала уже, кто у нее в дружках. Гляжу, Фомка чего-то возле меня отираться начал. Куда ни пойду - всюду он мелькнет. Чего это, думаю, его за мной носит? И не думала я, что он, как и Зойка, пособник этого дьявола... Ой, как вспомню - руки-ноги отымаются. За что на меня такая напасть? Кому я плохого что сделала?

Галя горько расплакалась, закрылась платочком.

- Я все время реву и реву, в себя прийти не могу! - проговорила она, содрогаясь от рыданий всем своим исхудавшим телом. А когда отняла от лица платочек, я увидела в ее покрасневших от слез глазах ужас.

- Никогда не думала, что у нас в городе, да еще в самом центре, можно человека среди бела дня схватить. Я считала, что это только в кино и книгах. Знала бы - носу бы из дома не показала. Я и так никуда по вечерам не ходила, боялась. А тут - день, солнце светит, народ кругом. Я по самому центру иду, мамина знакомая встретилась, вместе идем, разговариваем. Ей в аптеку нужно, а мне как раз по пути. Возле типографии на боковую улицу свернули, через проходной двор в наш переулок выходим. Там стройка брошенная, тротуары разбиты, так мы прямо по дороге идем. Машин нет, людей тоже не видно. До аптеки доходим, мамина знакомая на крыльцо подымается, я с улицы на нее смотрю. Случайно голову повернула - Фомку заметила, позади жмется. Я как-то ничего такого не подумала... Вдруг - вжик! - между мной и крыльцом аптеки микроавтобус тормознул.

Серый с сиреневым цвет, крыша выпуклая, дверца на мою сторону. Я и на него не обратила внимания, повернулась идти, а впереди, на перекрестке, Зойка вроде мелькнула. Вот на нее у меня как сигнал тревоги сработал! Слышу - дверь в автобусе откатывается. Я как побегу, но не вперед, где Зойка маячила, а вбок, за дом и по двору. Они, видно, не ожидали, что я побегу, да еще во двор. На

Амурская областная

дороге-то меня проще было бы схватить. Тем более, что впереди Зойка на перехвате стоит. Я вдоль последнего дома - да по двору! На мое счастье, там как раз машина большая разворачивалась, дорогу им перегородила. Я бегу, не оглядываюсь - главное, до выхода со двора дотянуть, к базарчику. Там бабки с пучками редиски сидят, люди ходят. Не то, что бабки меня защитят, просто эти на людях не схватят. Я уже и базарчик вижу, и бабок вижу, а дом никак не кончается. Я бегу, как все равно лечу, страх-то меня подгоняет. Насилу выскочила со двора - и по базарчику прямиком в магазин. В мясном отделе у меня родственница работает, теткина невестка. Она как меня такую увидела, сразу прилавок открыла. Я мимо нее и в каптерку. Невестка спрашивает: «Что случилось?» - а я сказать не могу. Трясусь вся, аж подпрыгиваю, зубы стучат, рот стянуло. «Может, тебе скорую?» Я головой мотаю, да так мотаю, что ходуном хожу. Припадок, наверно, был. Потом отошла, рассказала. У бокового входа машина стояла, фургон, мясо сгружали. Створки распахнуты, весь проем закрывают, со двора не видно, что за машиною делается. Невестка упросила шофера меня к тетке забросить, домой-то я ужас как боялась - не в переулке, так во дворе схватят. Довели меня до машины - я ни уцепиться, ни залезть не могу, обессилела. Так шофер меня, как пушинку, наверх забросил. Весу уже во мне не было, на бегу сгорел.

Как привезли меня к тетке, так я у нее и жила, мать меня навещала. Я не ем, не сплю, ничего не хочу, один страх во мне. Так бабку звали, испуг сводили, и лекарства успокаивающие пила. Я и сейчас еще не успокоилась, но волю над собой взяла. - Галя тяжело вздохнула, помолчала немного.

- Уезжаю вот. Не хочу тут. Я ведь не Зойка, чтобы по ее жизни идти. Моя линия семейная, чистая. Чтобы муж был, чтобы дети, чтоб по любви все и с уважением. Я не только душой, я и телом своим дорожу. Жить не смогу, если зазря кто его коснется, а тем более испоганит. Один раз судьба меня сберегла, дальше самой о себе беспокоиться надо. Я к тебе с мамой пришла. Она у калитки меня ждет. До чего дошло, что по двору страшно пройти. Ты, Соня, тоже остерегайся. Не думай, что хромую не тронут. У этого дьявола ни перед чем совести нет. А главное - Зойке с Фомкой не доверяй - продадут. Я к осени, может, вернусь, школу заканчивать. А может, и не вернусь, там закончу...

Она внимательно поглядела на меня и невесело усмехнулась:

- Ты как будто не веришь? Я тоже иногда сама себе не верю...

Во дворе вдруг истошно вскрикнула Галина мама. Галя вздрогнула, прижала кулачки к губам. Папа и бабушка кинулись наружу, и я, оставив подружку в комнате, поскакала туда же на костылях.

Галина мама стояла в калитке и, глядя на верх кирпичной стены, остервенело кричала:

- Гаденыш проклятый! Все выглядываешь, все вынюхиваешь? Я тебе, гадюка, выгляну, я глаза твои, поганые выдеру!

Подобравшаяся фигура Галиной мамы выражала готовность кошкой кинуться на стену, на верху которой никого уже не было видно. В преобразившемся лице доброй женщины горели два чувства: крайней озлобленности и такого же, как у Гали, отчаянного непонимания - за что на них свалилась эта беда?

Галя вышла, и они обе направились к своему дому. Я, папа и бабушка провожали их взглядом, будто на страже стояли. Мать и дочь ступали тяжело, но в движениях их сквозило глухое и упрямое сопротивление невзгодам. Я подумала, что Галя очень похожа на свою маму.

Когда все разошлись, я подождала, не покажется ли наверху Фомка. Мне думалось, что он притаился на скате крыши. Но никто не выглянул. Неужели его смыла ненависть Галиной мамы?

5 июля 1997 года

Я одна. Вокруг меня никого. От одиночества я подружилась с бомжем Сережей, нашим «подворником», - по Далю, это человек, который оправдывает свое житье мелкими услугами. Папе он помог поставить ограду и вкопать столбы под калитку. С тех пор по утрам он к нам забредает, бабушка его подкармливает и задает какую-нибудь работу. Другие соседи тоже прибегают к его услугам, а я им пользуюсь как утренним собеседником. Я научилась понимать его невнятную речь и слышать в ней кое-что для себя интересное. Вообще-то Сережа малоразговорчив. Я с трудом выцарапываю из него кое-какие фразы. От наших с ним бесед он устает и при встрече пытается прошмыгнуть мимо меня молчком. Если я его не окликну, он даже не поздоровается. Утром, сразу после восьми и до десяти часов я на костылях прогуливаюсь по переулку и улице. Я окрепла настолько, что упрашиваю бабушку поручать мне мелкие покупки. Но для этого надо переходить оживленную улицу, чего бабушка страшно как боится. Нагулявшись, я возвращаюсь во двор и отдыхаю на лавочке под черемухой. Мне нравятся утренние часы во дворе. Солнце еще не жарит, много прохладной тени. Роса блестит на гусиной травке, которая ворсистыми ковриками устилает углы двора.

Когда я отдыхаю на лавочке, из закутка за сараями появляется Сережа. Он, должно быть, тоже приурочивает свои выходы к утреннему безлюдью. Но меня ему не избежать.

- Купаться, Сережа?

Он в ответ невнятно бормочет. Я вижу у него в пакете небольшую поклажу, пристаю дальше:

- И стирать?

Он снова бормочет. Тогда я накидываю на него петельку.

- А потом к бабушке?

Сережа настораживается.

- Она меня шпрашивала?

- Нет еще.

Сережа мнется. Он очень самостоятельный бомж и стесняется намеков на дармоедство.

- У меня щегодня швой щай, - пересиливает он себя.

- А к чаю что?

Сережа невразумительно шевелит губами. Ясно, что к чаю у него ничего нет.

- Бабушка оладьи на завтрак пекла, - интригую я. Сережа внимательно слушает. Я растягиваю паузу, а потом говорю:

- На твою долю оставила. Обратно пойдешь, со столба снимешь.

По нашему примеру и другие соседи между штакетинами свертки просовывают. Сережа уже знает где. По двору пройдет, дань соберет.

А вначале, когда Сережа в сараюшке только поселился, весь двор на дыбки встал. Как так, бродяга под боком, обворует или подожжет. Побежали по квартирам со списком на выселение. Папа подписываться не стал, сказал, что Сережа по договору собственность снимает, ничего незаконного в его поселении нет. Если он своим поведением создаст угрозу для общества, тогда можно будет в милицию заявить. Папины доводы остудили горячку соседей, двор успокоился, а с течением дней привык и даже полезность в постояльце нашел.

Сережа был тихим жильцом, и даже довольно чистоплотным. Свой угол он разгреб и расчистил, а сараюшку обустроил: стол у него там, полати, железная печурка с трубой наружу. Когда только успел столько всего натаскать и наделать? Как его ни увидишь, он все с полупустым пакетом через двор плетется. У него, правда, рюкзак еще есть. Если топорщится сзади, значит, Сережа в дальние странствия отправился, в лес, или, как он говорит, в тайгу.

Одежду свою Сережа держит в опрятности. Она у него на плечиках по стенкам сараюшки развешена. Гардероб для бродяги на удивление представительный. У Сережи даже ветеранский пиджак со значками на выход имеется. В праздничной толпе наш Сережа вполне за «афган-

ца» сойдет или за героя прежних ударных строек.

По всем приметам Сережа не запущенный бомж. И вполне вероятно, что знаки трудового отличия на его пиджаке - не чьи-то чужие, а его собственные, заработанные. Папа сказал, что он, скорее всего, бывший профессиональный бич: таежный проходчик, рабочий геологических партий или старатель. По-видимому, надобность в его профессиональных услугах отпала, Сережа сошел с колеса, живет сам по себе, скрытой от посторонних глаз, но по-своему насыщенной жизнью. Иногда его сараюшка по нескольку дней на замке. Это Сережа странствует. Однажды я застала Сережу, когда он охорашивался перед зеркальцем, а его выходной пиджак просушивался на солнышке.

- Что, Сережа, на дипломатический прием собираешься?

- На деловой обед, - важно поправил он, ровняя ножницами ворс на обросших щеках.

- У тебя и деловые обеды бывают? - насмешливо удивилась я.

- В нашей жижни вще бывает.

- Сережа, а этот обед не поминками называют?

- На этот раж нет.

- А что же тогда?

- Одна дама угощает наш от швоих щедрот.

- Разве это деловой обед?

- А какой же?

- Скорее благотворительный.

- Благотворительный, когда жадаром. А эта дама наш подряжает.

- Для чего в таком случае этот шик с орденами? - показала я на полоску значков.

- А штоб жнала, ш кем дело имеет.

Сережа не любит в своем жилье постороннего присутствия. Я и все приходящие разговариваем с ним со двора. Он или выходит наружу, или стоит в дверях, загораживая собою внутреннее пространство. Но, подпив, осторожность теряет. Дверь тогда нараспашку, сам на полатях, заходи и бери, что пожелаешь. Бывает, что поворовывают: кое-какие мелкие деньги у Сережи иногда водятся.

Говорят, что Сережа дальний родственник бывшим хозяевам нашей квартиры - Чупровым, даже какое-то право на квартиру имел. Но родственники, не оповестив его, переехали, оставив ему лишь сараюшку. Потому-то Сережа, хотя и живет на границе двух дворов, считает себя обитателем нашего двора, без зова на чужую территорию не заходит и услуги в первую очередь оказывает жителям своего двора. Такой преданный у нас подворник.

- Сережа, летом ты у нас, как на даче, а зимой куда денешься? - спрашиваю я.

- На жиму у меня жилье ешть, - говорит он.

- В подвале на трубе? - дразню я.

Сереже, возможно, не нравятся мои поддевки, но отвечает на них он серьезно.

- Нет, не там. Жимой я еще культурней живу.

- У тебя есть угол за печкой? - гадаю я.

- Больше, щем угол.

- У тебя целая комната?

- Больше, щем комната.

- У тебя дом?

- Больше, щем дом.

- У тебя дворец? - изумляюсь я.

- Двореш или маленький жамок, - соглашается он.

- Круто! Ты что, волшебник?

- Я шторожу богатую дащу.

- Ну, Сережа, - разочарованно тяну я. - Как волшебника я представить тебя могу, а как сторожа нет.

- Это пощему?

- Потому что богатенькие покруче ребят нанимают.

- Эти твои, которые покруще, одинощества не выдерживают. Ешли по одному, то шпиваютша, ешли вдвоем, то жгрыжаютша. Для такого дела ошобый характер требуетша. Мой хожяин бывший таежник, он в бищах толк понимает.

- И закрывает глаза на то, что ты пьешь?

- Я на шлужбе не пью.

- Ни разу за целую зиму?

- Ну, когда хожяин коньяком угоштит иж маленькой штопки. Ражве это питье?

- Летом за зиму отпиваешься?

- Я водку вообще не люблю.

- А кого это пьяненьким обирают?

Сережа осудительно на меня глянул затерявшимися в щетине озерками глаз и сказал:

- Ты ш утра жавтракаешь, в щередине дня обедаешь, вещером ужинаешь. Ешли еще што жахощешь, то бабушка дашт. А я от еды до еды водкой держущь. Беж нее вольному щеловеку труба. Родимой ее жовут пощему? Потому што греет, кормит и щилы дает бродяге.

- Лекарство и пища? - хмыкнула я удивленно.

- Вроде того, - кивнул Сережа.

Я в раздумье потерла лоб, привыкая к новому взгляду на вредный напиток.

- Но где ты ее находишь? - спросила я, не понимая, почему у всех, даже у бомжей, она льется рекой, хотя и стоит немалых денег.

- Нигде не нахожу, шами дают.

- Кто дает-то?

- Да хоть кто. У твоего отша ямы копал, он бутылкой рашплатилща.

- Так это ж когда было?

- Я щейщаш в город выйду, щереж три-щетыре щаша выпивши буду, а к вещеру ш ног повалюшь.

- Но как, Сережа, как это у тебя получается?

- Да так. Главное, угадать, куда пойти. На фарт нападешь - и вще как по машлу: тут подхватишь, там поддержишь, туда оттащишь - ращщет - бутылка. Иногда ни жа што угоштят - шами пьют и тебе поднешут. На хлеб шелый мещяш вкалывать надо - и то жаработанного не полущишь.

- Не боишься алкоголиком стать?

- Я дубленый. Мещяшами могу не пить, но тогда кормить меня надо три ража в день и ш добавкой.

- Сережа, ты свободный человек? - спрашивала я.

- Вольный, - поправил он.

- По совести живешь?

- Не вшегда. Для этого надо шовщем от людей отойти, а как отойдешь, когда жратвой к ним привяжан? Я в леш хожу ощищатьщя, по нешкольку дней там живу.

- А там чем питаешься?

- Што ш шобой вожьму, што в лешу шыщу, а то к огородам выйду, там найду. А нищего нет - терплю, дышу вождухом.

Чем больше мы с Сережей общались, тем меньше мне хотелось его дразнить, но независимой личностью я его уже не считала.

Как-то я заглянула к нему в закуток, а он мне сказал:

- Ты б не ходила щюда, мешто глухое, опашное. Шо двора покрищи, я шам к тебе выйду. И жа двором не гуляй. Там не хорошо для тебя. Ражминайшя во дворе, бежопашнее для тебя будет.

- С чего ты взялся советы давать? - спросила я. Он смущенно помолчал и спросил:

- Видала, как жа вашей квартирой охотятша?

- За квартирой же, не за мной, - самоуверенно отвечала я.

И Сережа примолк. Наверно, уловил в моих словах высокомерие. Хоть я и общалась с ним, но на равных с собой держаться ему не позволяла. И он это понял.

7 июля 1997 года

Папа, наконец сделал самоходную коляску. По вечерам он вывозит меня на набережную - на то место, куда выходит забор военного училища. Гуляющих и прохожих здесь нет - целый квартал сплошного забора и глухой парапет без единого спуска на реку. Спортсмены иной раз тут тренируются, ну и я с ними: учусь управлять. Пульт у меня под рукой. Я быстро освоила назначение кнопок, безошибочно делала правые и левые повороты, гоняла коляску то вперед, то назад. Маневрировала как хотела,

даже волчком крутилась. Чтобы я не превратилась в лихача, папа хотел умерить скорость, но я упросила папу на всякий пожарный случай не отключать скоростную кнопку, дав честное слово без надобности ею не пользоваться.

Я мечтала утром объехать по периметру весь наш квартал, но папа все не разрешал мне выезжать в одиночку. Тут к нам забрел Коля Бехтин. Пришел один, без Юли. Я прикинулась одинокой, несчастной, запертой в стенах дома. Коля вежливо предложил свозить меня в город. Мамы с папой дома не было. У бабушки я вымолила разрешение на прогулку в новой коляске. Ее секрета я не раскрыла Коле, продолжая разыгрывать перед ним беспомощную инвалидку. Не зная о моей хитрости, бабушка взяла с Коли слово, что на перекрестках одну меня он не пустит. Коля заверил, что не только на перекрестке, но и за все время прогулки коляску из рук не выпустит. Я внутренне поулыбалась на то, как мило они друг друга поняли, решив как можно эффектнее использовать это обстоятельство.

Коляску спустили на тротуар, я села в нее, бабушка приняла костыли, Коля стал сзади. И в это мгновение возле нас появился Фомка.

- Гулять собралась? - поинтересовался он.

- Тебе-то что? - огрызнулась я.

- Я бы не посоветовал, - намекающе ухмыльнулся он.

Начиная с Галиного, это было уже третье предупреждение, и, должно быть, серьезное. Но я, обозленная вмешательством, закусила удила.

- А ты не предавай! - со значением глянула я на Фомку.

- Не я один... - начал было он и осекся. Но «намякивающая» ухмылочка на его лице осталась.

Я оглянулась по сторонам, никого подозрительного вокруг не увидела. Может, Фомка пугает? Мол, как же так: я последняя курица его курятника - и вылетаю без разрешения?.. Или он ревнует?.. Интересно, знает ли Фомка, что коляска у меня самоходная? Если нет, то у меня есть шанс убежать. Галя ведь на своих двоих удрала!

- Бабушка, принеси выдвижной костыль! - прибегла я еще к одной мере предосторожности.

Фомкина ухмылочка приобрела скептический оттенок. Я с вызовом на него поглядела, приняла от бабушки палицу и велела Коле трогаться.

- Чего он хотел? - спросил Коля, откатив меня от сеней.

- Сомневается в моей безопасности, - ответила я.

- Да вы что, в самом деле? - обиделся Коля. - Неужели я коляску удержать не смогу?

- Дело не в тебе, дело во мне, - сказала я.

- Надеюсь, в этот раз ты не собираешься прыгать? - подозрительно спросил он.

- Нет, нет, успокойся!

На углу Коля притормозил, предоставляя мне право выбора: ехать ли прямо или свернуть в переулок.

- Давай повернем. Я хочу посмотреть, как строится церковь, - сказала я Коле.

Проезжая мимо двора, я глянула в его глубь и никого там не увидела. По дороге я еще раз оглядывалась - и снова ничего подозрительного не обнаружила.

«Ерунда все!» - отмахнулась я от навязчивых подозрений.

Церковь строилась на другом конце нашего квартала. Мы обогнули окружавший стройплощадку забор и стали в раскрытых воротах. Смотреть было почти что не на что. Красные кирпичные стены только начали подыматься от фундамента, и контур будущего здания еще не вырисовывался. Мы с Колей попытались сравнить построенное с рисунком, вывешенным на заборе, но сбились с толку и бросили это занятие. Пусть стены еще подрастут, тогда будет понятней.

Перекресток здесь в самом деле оживленный. Это, конечно, из-за магазина и прилепившегося к нему базарчика. Когда церковь построят, здесь станет еще оживленней. А наш переулок, наверно, так и останется глухим. Если бы Галю в нем схватили, это скорее всего произошло бы без свидетелей. По переулку мало кто ходит, несмотря на то, что он почти в самом центре города и связывает собою три важных улицы. Бывает же так, что у всех на виду и никому не виден. А место здесь историческое. Отсюда начинался наш город. Потому и церковь здесь ставят.

Против нас с Колей был Юлин дом. Я подумала, не проехать ли его двором, заодно и Юлю с нами позвать. Зачем мне это понадобилось, я не знаю. Я вовсе не собиралась ее дразнить. Коле моя идея тоже, наверно, не понравилась, но возражать он не стал, развернул коляску и покатил, куда мне хотелось.

Когда мы пересекали наш переулок, я глянула налево и направо. Ни машин, ни пешеходов. Я же говорю, что он глухой, хотя и в центре.

Юля живет на втором этаже дома, растянувшегося на полквартала. Он поставлен так удачно, что с течением лет его местоположение все больше и больше выигрывает. Был на главной улице, у театра, а теперь будет еще и у церкви. В окружении двух архитектурных памятников он и сам памятник отошедшей в историю основательной и неспешной еще эпохи конца пятидесятых - начала шестидесятых годов. Бабушка рассказывала, что в то время этот дом был одним из самых престижных в городе. Сейчас он слегка обносился, как модный когда-то пиджак, обшарпался со двора и как будто застрял в тех давних годах. Он несколько мрачноват и похож на тюремный замок. Но Юлины окна в нем - как прорыв в современность. Рамы у них металлические, стекла зеркальные, сквозь приоткрытую створку виден лепной потолок. Я никогда не бывала у Юли. Наверно, дома у нее, как в театре. Недаром ее папа не то главный бутафор, не то главный художник в театре.

Мы покричали Юле, но, несмотря на приоткрытое окно, никто не выглянул, не откликнулся, и мы поехали дальше. Здесь мне надо было бы оглянуться, и, возможно, я бы увидела для себя кое-что интересное. Но перед этим вид пустынного переулка меня успокоил и лишил бдительности. У нас за спиной между тем сошлись трое: Юля Тательникова, Зоя Браницкая и Фомка. Жаль, что ни я, ни Коля не оглянулись!

В парке мы с Колей съели по мороженому, медленно покружили по аллеям, нашли тенистый уголок и осели в нем.

За год Коля здорово вытянулся. Волосы у него модно подстрижены и уложены на прямой пробор. При наклоне они наползают на лоб, и Коля, встряхиваясь, рассыпает их по голове. Поскольку я всю зиму жила среди образов прошлого, то Колина стрижка напоминает мне прическу трактирного полового - может быть, даже из заведения Ионы Маркелыча Сумского. Правда, для трактирного слуги Коля слишком интеллигентен и слишком изнежен... Так что Галина прабабушка права: нас окружает вечное. А что, вполне возможно, что в прошлом Коля мог быть трактирным слугою. А в современном мире он кто? Подающий надежды подросток. За истекший год он подрос, но не возмужал. У него все такое же гибкое и узкое тело. Для танцора это достоинство. А для взрослеющего человека, наверно, тоже неплохо. Ему же в жизнь не с плотницким топором вламываться. Он войдет в нее с изящной пластикой телодвижений. Многим это понравится. Во всяком случае я ему поаплодирую. Интересно, он войдет в свою взрослую жизнь один или с кем-то? Кто будет с ним в паре?

- Я хочу выжать из танцев все, - сказал Коля, когда мы сидели друг против друга в тени под кустами. - Мы с Юлей так решили.

Значит, в его планах на будущее - Юля. Они вместе войдут. Нет, не так. Они вместе войдут, но каждый сам за себя.

- А я хочу стать юристом, - сказала я с вызовом. Мне показалось, что он не берет во внимание, что за год я тоже выросла, и по-прежнему видит меня той же девочкой, которая вспорхнула однажды в опасном прыжке и кото-

рую он не сумел подхватить.

- Ты серьезно? - рассеянно проговорил он, беря мои руки в свои.

- Очень серьезно. Я даже веду сейчас кое-какое расследование.

Но для него, похоже, мои слова были все равно что детский лепет, которому не стоит придавать значения.

- Жаль, что мы не будем танцевать вместе. Ты была бы мне чуткой партнершей, - с грустью и сожалением сказал он, как-то странно глядя мне в глаза.

- Какой там чуткой, когда я подвела тебя и себя? С Юлей у тебя такого случиться не может, - как бы оттолкнулась я, не убирая, однако же, своих рук из его ладоней.

- Да, не может, - задумчиво подтвердил он, опуская глаза. - В танцах у нас с нею созвучие.

- И в остальном будет то же, - сказала я, и голос мой дрогнул - не то от обиды, не то от какой-то вдруг охватившей меня зачарованности.

- Не знаю, - все так же задумчиво отвечал он, - и снова поглядел на меня. - У нее не такие волосы, как у тебя, не такие глаза. У нее нет твоей полетности и твоей неожиданности.

- И у нее нет моей хромой ноги, - напомнила я о реальности, скорее искушая Колю, чем отрезвляя его.

- И у нее нет твоей хромой ноги, - повторил он - и в голосе его была та же зачарованность.

Мы одновременно потянулись друг к другу. Я помню, как обнимала его, как губы его встретились с моими и как я тоже его поцеловала.

Потом он снова держал мои руки в своих, мы смотрели друг другу в глаза, и очарование все так же овевало нас. Если бы тогда, год с лишним назад, мы были бы так же открыты друг другу, я бы не стала взлетать, искушая его, не сломала бы ногу, мы вместе продолжали бы танцевать и вместе бы строили планы на будущее. Никакой Юли между нами бы не было.

- Но в ночном клубе танцевать я все равно бы не стала, - вслух сказала я.

- При чем здесь ночной клуб? - недоуменно спросил Коля, переходя на обычный тон.

Очарование развеялось, и все по моей вине, как с тем злосчастным прыжком.

- Ты сам же сказал, что хочешь выжать из танцев все, а все - значит танцевать, где есть спрос, - сказала я.

- В чем-то ты права, - подумав, согласился он. - Но это будет не скоро, когда мы повзрослеем. Пока же мы с Юлей учимся.

- С Юлей ты учишься танцевать, а со мной целоваться? - спросила я.

- А ты не учишься? - усмехнулся он, намекая на то, что я тоже его целовала.

- Ой, Коля, поедем отсюда, а то мы снова все между нами испортим, - попросила я.

- Лично я ничего не намерен портить. Я еще хочу тебя целовать, - наклонился он ко мне.

- Нет, Коля, - отстранилась я. - Уже не то настроение, и потом, это не должно превращаться в привычку.

Отстранившись от него, я, видно, слишком резко дернулась, моя палица упала с колен прямо Коле на ногу. Он охнул от неожиданности и боли, поднял палицу и сказал:

- Тяжеленькая дубина. Это у тебя костыль? Давай раскроем, и ты походишь.

- На одном костыле не походишь.

- На меня обопрешься.

- Не надо, лучше поедем.

- Зачем тогда брала?

- Для защиты.

- От кого, от меня? - хохотнул Коля.

- Не знаю, - смутилась я. Мои подозрения уже казались мне такими нелепыми.

Коля вывез меня на набережную. Посадка у коляски была низковатая. Я не могла заглянуть за край парапета и не видела реку. Коля торопился вывезти коляску к просвету в парапете и потому шел очень быстро. Я могла бы нажать свои кнопки, но мне пришлось бы много маневрировать, так как впереди прогулочным шагом двигались люди. К тому же мне нравилось чувствовать за своею спиною Колю. Когда я хотела ему что-то сказать, я запрокидывала голову, он наклонялся ко мне, мы близко видели друг друга, и это было так же хорошо, как когда мы с ним целовались.

Первый от парка просвет пришелся на выход из города поперечной к Амуру улицы. Коля поставил коляску в проем лестничного спуска, сам отошел в сторонку и, опершись о край парапета, весело на меня смотрел. А я смотрела вниз, на косой спуск, на реку, на чужой берег. Коля же глядел только на меня. И это тоже было счастливым мгновеньем, почти таким же, как в парке.

Капелька осторожности во мне все-таки не дремала, потому что я, хоть и завороженная Колей, оглянулась на резкий тормозной визг. От парка к перекрестку на хорошей скорости подлетел знакомый мне по Галиному рассказу сиренево-серый микроавтобус с выпуклой крышей, сбросив скорость, но не останавливаясь, он круто свернул к парапету, то есть к нам с Колей, пролетел мимо зеленого газона, развернулся на тротуаре и встал, загородив гуляющим путь.

Откатилась дверца, и двое молодцев, как десантники, разом выпрыгнули наружу.

- Коля, беги! - крикнула я и заработала клавиатурой. Нажимом кнопки развернулась спиной к реке и лицом к уходящей в город улице. Следующим нажимом задала своей тачке пожарную скорость, пустив ее не вдоль набережной, где я бы была открытой мишенью, а поперек, направлением в город.

Один из преследователей, очевидно, заходил с тыла, а второй, я только его и видела, бежал мне наперерез и успевал перехватить. Забыв, что могу сманеврировать, я схватила лежащую на коленях палицу и, не чувствуя ее тяжести, что есть силы саданула настигавшего не то по плечу, не то по руке. Коляска пронесла меня мимо, перелетела дорогу, где, на мое счастье, не было ни одной машины. Проскочив в улицу, я увидела, как на углу, в воротах хлебозавода, медленно наползая, закатывается металлическая дверь. Я направила коляску к воротам и успела юркнуть в узкую щель. Следом за мной вбежал Коля. Дверь задвинулась. Мы оказались под защитой высоких кирпичных стен и заложенных перепоной железных ворот.

Из белой кирпичной будки показался охранник и вытаращился на нас. Его, видно, озадачила скорость, с которой я влетела на своей коляске.

- Нам срочно надо позвонить, - сказала я.

Мое инвалидское состояние смягчило его суровость. Движением головы он показал назад, на распахнутую дверь будки. Я назвала Коле цифры служебного папиного телефона и велела просить папу скорее приехать. Коля медлил идти, не решаясь меня оставить. Тогда я сказала охраннику:

- Не открывайте пока ворота и постойте, пожалуйста, возле меня.

Охранник слегка улыбнулся, выражая согласие постоять. Коля вошел в будку, скоро вышел, кивнув мне, что все в порядке.

Когда охранник ушел, Коля спросил:

- Объясни, что происходит?

- Меня хотят украсть.

- Зачем? - не поверил он.

- Чтобы выкурить нас из дома.

- Из вашего деревянного дома? - изумился Коля.

- Предполагают, что под нашей квартирой спрятан клад.

- Какой бред! - поморщился он.

- Я этим бредом живу, - с некоторой долей вызова сказала я.

- Юля мне говорила, вокруг тебя какие-то странные компании.

- Уж какие есть, - я пожала плечом.

Мы заметно остывали друг к другу, отдалялись. Я

снова ввергла его в неприятности и чуть было не пострадала сама.

Приехал папа. Я пересела к нему в машину. Коля помог папе поднять коляску наверх, закрепить ее на крыше машины, но ехать с нами отказался. Приоткрыв дверцу, я ждала, не пообещает ли он прийти. Он не пообещал. Я захлопнула дверцу, мы с папой поехали. Коля, должно быть, пошел к себе. А может быть, к Юле.

10 июля 1997 года

Я снова, как и зимой, заточена во внутреннем дворике, и бабушка из окна за мною присматривает. Излишняя, я считаю, предосторожность, потому что папа накинул-таки узду на Сумского. Не сам, конечно, тот его во внимание не принял, а через одного клиента, пользующегося услугами папы в области электроники. Сумскому сказали то же, что пытался сказать ему папа, но гораздо спокойней, короче и убедительней. Эти слова Сумским были услышаны, и было взято от него ответное слово оставить меня в покое. Но родители по-прежнему в страхе, и я в старой коляске сижу за домом, читаю книжки, греюсь на солнышке, а если прогуливаюсь, то возле коляски, осваиваю ходьбу на одном костыле.

- Эй! - приносится ко мне сверху.

Я подымаю глаза, Фомкина голова торчит над ребром крыши.

- А я все видел! - светозарно лыбится он, имея в виду, как я понимаю, мой недавний побег от преследователей.

- Конечно, без тебя нигде не обходится, - ворчу я, усаживаясь в коляску, чтобы удобнее было разговаривать. Хоть я и злюсь на Фомку за предательство, но появлению его рада.

- Ты молодчина! Как дашь ему костылем, у него рука так и отвисла, - смакует он виденное.

- А тебе что дали за то, что недоглядел, что коляска у меня самоходная? - хладнокровно спрашиваю я.

- Стукнули пару раз. Во, видишь, раздуло, - выставил он из-за гребня всю физиономию. Одна половина лица, в самом деле, была шире и темнее другой.

- За предательство не то еще полагается, - не посочувствовала я.

- Это не я, - честно глядел на меня Фомка.

- А кто же?

- Не я, - уверял он, не желая выдавать виновного.

- Но ты знал?

- Я хотел тебя предупредить, но ты миловалась в кустах с этим.

- Подумаешь, грех какой! Тебя что - очень задело?

- Задело. Ты не должна быть чьей-то.

- Это почему же?

- Потому что ты наш общий товарищ, и мой тоже.

- Если товарищ, зачем же ты за мной подсматриваешь и продаешь?

- Не продаю! - взвыл Фомка. - Я знал, какая у тебя коляска. Я ходил за тобой и отцом на набережную и видел, как ты крутилась.

- Кто же тогда меня выследил?

- Зойка тебя углядела, когда ты под Юлькиными окнами стояла. Юлька тоже с нами была.

- И Юля?

- Но та не в курсе, а у Зойки телефонная трубка в сумочке, она и звякнула.

- А ты говоришь - общий товарищ, - вздохнула я.

- Ты не представляешь, что с Юлькой сделалось, когда она тебя с этим увидела. Она чуть в обморок не упала. Зойка ей посочувствовала и кое-что по-женски ей подсказала. Она, знаешь, какая теперь опытная!

- Что подсказала? - крикнула я.

- Я не усек, - вильнул Фомка.

- Все ты усек и все знаешь. Сводники вы, поганые сводники! - ударила я кулаком по ручкам кресла и потерянно заревела.

15 июля 1997 года

В подполье скребутся мыши, а кот Васька сидит на подоконнике в кухне, жмурится и ухом не ведет. Бабушка несколько раз обращала его внимание на подозрительные звуки снизу, а он даже не настораживается. Кот достался нам от прежних хозяев. Его не забрали, потому что он привык к дому. Васька ведет независимую жизнь, но порядок в кошачьем хозяйстве держит. Непонятно, с чего это вдруг он так заленился?

Бабушку до того обозлила Васькина наглость, что она схватила кота за шиворот и кинула в подполье. К звукам снизу прибавилось еще кошачье мяуканье. Бабушка очень этим озадачилась и полезла в подполье сама. Через короткое время она вылезла успокоенная, и кот выпрыгнул вместе с нею.

- Это у Сумских в подвале чего-то делают, - сообщила она.

- А что делают?

- Не знаю, - отвечала бабушка, занятая уже другими мыслями.

- Не подкоп роют? - предположила я.

Бабушка задумалась, заволновалась и снова полезла в подполье.

- Роются у перегородки, - вынырнув, проговорила она.

Я хотела тоже полезть, но бабушка не разрешила.

- Это Сережа роет, - догадалась я.

Последнее время Сережа перестал к нам заглядывать. Я через ограду видела, что Сережа ходит к Сумской. Сама бабка неприветливая. Наверно, Игорь его зазвал: вероятнее всего, делать подкоп. Раз нельзя нас выкурить, раз нельзя меня тронуть, он решил подкопаться и самовольно обследовать подвал.

Папа и мама были на работе. Скребущиеся звуки с перерывами длились почти целый день. Бабушка несколько раз лазила проверять, цела ли перегородка, и возвращалась в недоумении: перегородка вроде бы цела, за ней скребутся, а что делают, неизвестно.

Я пыталась перехватить Сережу в ограде, когда он пойдет к себе, но в этот день я его не поймала.

Папа, придя с работы, тоже лазил в подполье, осмотрел перегородку, поставил временные подпоры.

Утром я укараулила момент, когда Сережа входил в ограду Сумской. Завидев меня, он опустил глаза.

- Сережа! - позвала я. Он остановился.

- Ты что делаешь у Сумской в подполье?

- Шищу, шиню, прибираю, - не поднимая глаз, отвечал он.

- А еще что?

Сережа помялся, отыскивая ответ, и, видно, нашел, потому что вдруг выпрямился, косо на меня поглядел и сердито проговорил:

- Я по найму. Делаю, жа что платят.

- А если твоя работа во вред другим людям? - попыталась я зацепить его совесть.

- Шужие режоны меня не кашаютшя, - буркнул он и заторопился, потому что у Сумских заскрипела дверь.

И снова в подполье заскреблись.

Папа привез стройматериалы и тоже спустился вниз. Начался встречный стук, недвусмысленно напоминавший, что мы тоже не дремлем.

Чтобы, не дай Бог, не свалиться в подполье, мне запрещено было выходить на кухню. Я сидела в своей комнате и через открытую дверь наблюдала, как бабушка то спускалась вниз, то подымалась. А потом показался папа, держа в руках похожую на ларец заржавленную жестяную коробку. У меня замерло сердце: «Неужели клад?»

- Она тяжелая? - не выдержав, я выехала на коляске из своей комнаты на кухню. Бабушка поспешно захлопнула крышку подполья.

- Нет, не тяжелая, - отвечал папа, протирая находку тряпкой. Он положил ларец на табуретку и, помогая себе ножом, начал открывать крышку. Она отошла, и мы, склонившись втроем, ничего особенного не увидели. Из пергаментного свертка папа извлек записную книжку в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами и вложенным между ними письмом, черный металлический портсигар с гравированным рисунком на крышке и деревянный

футлярчик с чем-то непонятным внутри.

Папа принялся читать письмо и, прочитав, передал его мне. На жухлом листке с потемневшими заломами бисерным бегущим почерком с ятями и ерами по-старинному было написано (устаревшие знаки я не воспроизвожу, чтобы в них не запутаться):

«Милый папочка!

Мне будет очень жаль тебя, если ты произведешь раскопки в нашем подполье и ничего не найдешь. Поэтому я подкладываю тебе в утешение свою шкатулочку с небольшим подарком от себя и моим любимым деревцем, которое сломалось и не выбрасывает больше листочков. Почини его, пожалуйста, когда найдешь.

Что касается дедушкиных драгоценностей, то, я думаю, их просто не существует. Дедушка давно разорен и от стыда перед родными выдумал историю с кладом, чтобы перессорить вас между собою и отвести вину от себя. Можешь, конечно, драгоценности поискать, но я безусловно уверена, что ты их не найдешь.

Любящая тебя дочь Наденька.
18 июня 1916 года»

Вот я и с Наденькой познакомилась. Это она мне из глубины века весточку прислала. Шестнадцатый год... Это сколько ж ей было лет? По рассказу Галиной прабабушки, лет двенадцать - тринадцать, моя ровесница. Почерк какой веселый. Видно, что пишет, а сама смехом заливается. Живая, наверно, была девочка, любила розыгрыши, загадки. С больной ногой не носилась. Я тоже не ношусь, но все-таки перед Колей мне не хотелось бы иметь физический недостаток. У Юли ведь его нет, а мне во что бы то ни стало надо ее перещеголять.

Наденькину механическую игрушку взялся чинить мой папа и очень ею увлекся, а через несколько дней пришел с нею ко мне в комнату.

- Смотри, - сказал он, кладя на стол продолговатый деревянный футлярчик, который он заново отполировал. Открыл его и вынул нечто, заключенное в железную рамку. Расщепил рамку на две створки, превратившиеся в основание для стерженька, обтянутого сморщенной кожей и похожего на ствол маленького дерева, покрытого корой. Папа вставил ключик в гнездышко внизу ствола, повернул его, придерживая другой рукой рамку. Древесный ствол ожил, из него поползли сучья, вытягиваясь и расплетаясь в ветви. Когда движение прекратилось, папа еще подкрутил ключик - и с мелодичным хлопком над ветвями всплеснули, раскрываясь, золотые листочки. Это было как чудо. От удивления и неожиданности я даже вскрикнула. Дерево замерло в солнечном уборе. Я взяла его за рамку и начала пристально разглядывать. Конструкция металлическая. Ствол деревца обтянут сжатою кожей, сучья и веточки ничем не оправлены. Они полы и ажурны. Сомкнутые в почку листочки прячутся внутри них.

- А назад как? - спросила я папу.

- Покрути ключом, и все постепенно начнет убывать, вползать в ствол. - И папа показал как.

- Замысловатая игрушка, - сказала я.

- Да, чудо механики, - поддержал папа.

- С электроникой мы посложнее задачи решаем. Взять хотя бы твою коляску, - заметила я.

- Да, электроника гибче, - согласился папа. - Но удивляет меньше, потому что привыкли.

Вдруг меня осенило:

- Пап, а это ведь самоделка! Наденькин отец был инженером.

- Откуда ты знаешь?

- Галина прабабушка говорила. Она в детстве с Наденькой играла. У Наденьки тоже болела нога, она хромала.

- Тогда понятно, почему дерево и почему оно оживает. Для тебя игрушка. А я не догадался для тебя нечто подобное сделать.

- Но ты же уверен, что я не буду хромать, - я испытующе глянула на него.

- Уверен, не будешь, - кивнул папа. - А ты почему сомневаешься? Ты уже ходишь на одном костыле. Скоро без опоры пойдешь, а там и хромать перестанешь.

- Я, пап, переживаю из-за одного человека.

- Да хоть из-за десяти, но веру в себя не теряй. У тебя же в руках дерево Надежды, - улыбнулся каламбуру папа.

- Листочки у него из чего?

- Это латунь.

- Как жаром горит.

- Я натер, - сказал папа.

Вечером, потемну, как бывало не раз, ко мне в окно заглянула зверская рожа. Я знала, что это Фомка. Сам ли балуется, или его подсылают? Сегодня мне было, чем его встретить. Я вынула из ящика письменного стола деревянный футлярчик, достала из него рамку, разняла ее, поставила на стол, повернула ключик и взглянула на рожу за окном. Она с ужасным видом наблюдала. Из ствола полезли сучья, на ходу разворачиваясь и разветвляясь. Снова взглянула на рожу. Она наблюдала. Я сделала еще поворот ключиком. Почки выплеснули из укрытий и раскрылись солнечными листочками. Рожа за окном начала задираться, и под ней обнаружилась Фомкина физиономия. Я осуждающе покачала головой. Разоблаченный и уличенный мальчишка поспешно отпрянул. Я задернула шторы и выключила свет.

17 июля 1997 года

Из своего окна я увидела, что к нам идут молодой Сумской и старая его тетка, а вернее двоюродная бабка.

- Какие люди! - поразилась я. - Папа, встречай, а то в дом вломятся!

Бабушка выглянула из кухни и тоже вскрикнула:

- Сумские!

Папа торопливо пошел на выход. Бабушка двинулась за ним, и я тоже вслед поскакала.

Мы сошлись на крыльце, как две враждебные партии, вынужденные пойти на переговоры. Объяснялись Игорь и папа. Остальные молча присутствовали. Где-то наверху, я чувствовала, притаился Фомка.

- Этот дом, - сказал Сумской, - принадлежал моему предку. На руках документов не сохранилось, но в городском архиве они имеются. В случае необходимости можно подтвердить.

- Не надо, - ответил папа. - Мы знаем.

- Знаете? - удивился Игорь и повел взглядом от папы на бабушку и меня. Я у него вызвала особое любопытство. Он глядел на меня так, будто я из ничего вдруг нарисовалась. А тогда, при первой встрече, он на меня и внимания не обратил.

- Если вам это известно, то, может, известно и то, что часть имущества предок спрятал в подвале. Я и моя бабушка, - Игорь кивнул на спутницу, - являемся фамильными наследниками и в случае нахождения клада имеем право на его часть.

Сумской выжидательно замолчал. Но никто из нас не раскрыл рта, и тогда он сказал:

- У меня есть сведения, что вы это имущество нашли.

- Кое-что нашли, - признался папа. - Но это имущество не прямого вашего предка, а одной вашей побочной родственницы.

- Какой родственницы? - вскинулась Сумская.

Внучатый племянник с досадой покосился на нее, но, повернувшись к папе, задал тот же вопрос:

- Какой родственницы?

- Насколько я могу вычислить, - сказал папа, - троюродной тети вашей двоюродной бабушки.

Сумской нахмурился, потом вопросительно посмотрел на свою двоюродную бабку. По всему было видно, что представления о своих родственниках он не имел.

- Наденька! - выкрикнула Сумская. - Наденька здесь жила!

- Какая Наденька? - не понимая, спросил Сумской.

- Меня в честь нее Надей назвали, - радостно объявила Сумская.

- Ну и что же вы нашли? - перешел к сути Игорь.

- Соня, принеси, - сказал мне папа.

Я пошла в дом и, в том же порядке, но без пергаментной уже обертки, сложила все вещи в шкатулку. Шкатулку я передала папе. Он открыл ее и, держа в своих руках, позволил Сумским познакомиться с содержимым. Старуха, наставив острый нос, с любопытством заглядывала вовнутрь. Племянник вынул записную книжку, перелистнул ее, наткнулся на записку и, не заинтересовавшись, бросил вместе с книжкой обратно. Металлический портсигар вызвал у него больше интереса, скоро, впрочем, погасшего.

- А там что? - он дотронулся до деревянного футлярчика.

- Механическая игрушка, - сказал папа.

- Ну-ка? - глаза Игоря хищно блеснули. Он вытащил коробку, раскрыл ее - и разочарованно посмотрел на папу.

- Что это? - покрутил он рамку перед глазами.

- Я думаю, символ возрождения жизни, - сказал папа.

- Как же она возрождается?

- Давайте покажу.

Папа передал шкатулку бабушке, мне вложил в руки футлярчик, раскрыл рамку и покрутил ключик. Из колышка, обтянутого кожей, поползли, расправляясь, веточки, папа еще подкрутил, и над ажуром ветвей солнечно вспыхнули листочки. У старой Сумской так же ярко вспыхнули глаза. Игорь тронул листочек пальцем, убедился, что это не золото, и пренебрежительно хмыкнул. Сумская же не могла отвести взгляда от деревца. Она завороженно проследила, как захлопнулись и ушли внутрь веток листочки, как, сложившись, заползли внутрь столбика ветви.

- Еще покажите, - попросила она.

Игорь изучал записку, продираясь сквозь устаревшие буквы.

- Больше ничего не нашли? - глянул он исподлобья на папу.

- А больше, видимо, ничего нет. Вы же прочли записку, - сказал папа.

- С этим еще надо разобраться, - буркнул Игорь, передавая записку Сумской. Та без очков не смогла справиться с мелким почерком. Для нее прочитала я. Она в умилении слушала, опустив голову.

- Ну что, заявляете право на это имущество? - спросил папа.

- Нет, - произнес Игорь.

- Да! - выкрикнула Сумская. Игорь жестковато на нее посмотрел.

- Зачем тебе, бабушка, ненужная рухлядь?

Сумская приложила платочек к одному глазу, к другому, сняв этим с лица умиление и возвратив ему привычное сварливо-постное выражение.

- Ну что ты, семейная память! - проронила она.

- Что ты хочешь на память?

- Все! - сказала Сумская.

- Ты возьмешь, бабушка, что тебе милостиво разрешат, - с нажимом проговорил Игорь.

- Ну, тогда записку и дерево, - проговорила старуха.

- Я их уже взяла, - поспешила вмешаться я.

- Игрушка была сломанная. Я починил ее для своей дочери, - вступился за меня папа.

- Но это все наше! - возмутилась Сумская.

- Не ваше, - спокойно возразил папа. - В шестнадцатом году вас еще не было на свете. И вообще, не вы наследница своей троюродной тетки. Возможно, живы прямые наследники.

- Я им сообщу, - заверила Сумская.

Я не выдержала и сказала:

- Вы знаете их адрес? Да вы в глаза не видели своей тетки!

- Как это не видела? - вскинулась она.

- Вы родились, когда она отсюда уехала, а она никогда больше сюда не возвращалась.

- Откуда тебе известно? Без году неделя тут живешь и уже все знаешь! - разозлилась Сумская.

- Мне Анна Васильевна, прабабушка Гали Малаховой, все рассказала. Она ведь тоже была вашей родственницей, - с ехидцей промолвила я. Повернулась к Игорю и ему выдала:

- Галя Малахова и вам родственница!

- Похоже, у меня тут полный двор родственников, - усмехнулся он.

- Больше, чем вы предполагаете, - сказала я.

- А как же, здесь наше гнездо, - вставила Сумская.

- Но это было до вас, - сказала я ей.

- Ты про все знаешь? - зашипела Сумская.

Тут Фомка высунул голову с крыши нашей терраски и подтвердил:

- Хромоножка все знает, она у нас летописец!

- Ну-ка, вали отсюда, без тебя разберемся! - рыкнул Игорь.

Фомка вскочил на ноги, перелетел с нашей крыши на свою и побежал по верху стены.

- Сгинь! - слал вдогонку Игорь. - И не вздумай подслушивать, уши с корнем выдеру!

Фомка исчез.

- Ладно, свернем базар, - примирительно сказал Игорь. - Баба Надя, возьми портсигар и успокойся. Вещь историческая, ценная. Хочешь - продай, хочешь - в музей сдай, хочешь - под подушку клади и радуйся на нее.

Сумская протянула руку к шкатулке, которую держала бабушка, с сорочьим проворством схватила портсигар и спрятала его за спину, как если бы кто собирался его отнять. Никто не проронил ни слова. Тогда, осмелев, Сумская поднесла портсигар к глазам, разглядывая его потемневший корпус.

- Тебе, бабуля, дали - и ступай, - поторопил Игорь. - Я сам тут договорю.

Сумская с сожалением посмотрела на оставшиеся вещи, но под строгим взглядом внучатого племянника смирилась и пошла к калитке.

Игорь отвел папу в сторону и о чем-то с ним заговорил. Мы с бабушкой ушли в дом.

Вернувшись, папа сказал, что Игорь хочет привести экстрасенсов, чтобы окончательно убедиться, есть что под домом или нет. Папа разрешение дал с условием, что после этого Игорь оставит нашу семью в покое.

18 июля 1997 года

Экстрасенсы пришли. Их было двое. Один гипнотизер, другой медиум. Как я поняла из объяснений, гипнотизер определенным образом настраивает медиума, и тот видит прошлое. В гипнотизере, здоровом и крепком парне, папа узнал охранника одной из фирм. Медиум назвал себя студентом. Он был хрупок и нежен, как комнатное растение, глаза черные, большие, с загнутыми ресницами. «Удав и кролик», - мысленно определила я их. Именно эти роли они выполняли по отношению друг к другу. Только удав-гипнотизер не заглатывает своего кролика, а удав-Игорь при надобности может заглотнуть обоих. При своем ясном видении знают ли они, с кем связались?

Я запросилась в подполье вместе с ними. Папа и Игорь напрочь мне отказали. Тогда я выставила довод, что знаю о прошлом дома гораздо больше, чем может представить медиум. Гипнотизер этим заинтересовался. Игорь промолчал, а папу я убедила, что лестница в подполье с пологим наклоном, ступеньки крепкие, бабушка лазит - и ничего, и я на одном костыле спущусь и подымусь без осложнений.

Папа включил в подполье электричество. Первым полез Игорь, за ним медиум, потом гипнотизер, и последней на костыле я. Папа поддерживал меня сверху, гипнотизер подал руку снизу.

Я в первый раз была в нашем подполье. Дом здесь на целый этаж уходит вниз каменным коробом, перегороженным крест-накрест деревянными стенками в две проборки с насыпной серединой. Со стороны Сумских папа наложил еще проволочную раму. Вдоль стен стеллажами наделаны деревянные полки со стойками от пола до потолка. Печь опускает сюда каменную ножку - опору. В узких простенках стоят ящики-лари для картошки, свеклы и морковки. Свободного места много, прохладно и сухо, затхлого запаха нет.

Игорь ходил между полок, и видно было, что какие-то планы роятся в его голове. Зря мы его сюда пустили.

Ему тут чересчур нравится.

- У вас тут просторно, - проговорил он.

- Хлама не накопили, - отозвалась я с усмешкой.

Гипнотизер начал уже готовить медиума. Тот сделался тревожен, глаза расширились и невидяще глядели перед собой.

- Давай сначала ее - может, у ней скорее получится, - Игорь кивнул на меня.

- Хочешь увидеть невидимое? - повернулся ко мне гипнотизер.

- Еще как! - сказала я.

Лицо у него узкое, лоб тяжелый, с глубокой залысиной, нос продолговатый и выдается вперед, но глаза обычные, серые, глядят с приятельским ободрением. Ничего невероятного ни в поведении, ни в облике его нет. Больше странного в медиуме. Оставленный гипнотизером без внимания, он замер в пограничном состоянии: еще не там, но уже не здесь.

- Соня, как твои деле? - крикнул сверху папа.

- В порядке, пап,- откликнулась я.

- Не боишься войти в прошлое? - дружелюбно спросил гипнотизер, глядя на меня чуть внимательней.

- Не боюсь, - бодро сказала я.

- Входи!.. - подал он команду. - Как что увидишь, скажи... - отдаленно прозвучал его голос. - Видишь что-нибудь?..

- Да.

- Что ты видишь?

- Широкая плита, на ней огромные котлы, из них идет пар. Повара в белых колпаках мешают в котлах длинными поварешками. Пахнет щами с мясом.

- При чем здесь плита и щи? - спросил издалека гипнотизер. - Ты в каком году?

- Предположительно, в тысяча девятьсот одиннадцатом.

- Где стоит плита?

- В этом подвале.

- Почему она тут?

- Тут кухня, варится еда.

- Хорошо. Уйди из того времени, чуть ближе к нашему, но оставайся в подвале. Что видишь?

- Горит керосиновая лампа. В полутьме группа офицеров.

- Что они делают?

- Срывают золотые погоны и прячут их в карманы шинелей. Пистолеты перекладывают за пазуху.

- Зачем они в подвале?

- Прячутся. Я слышу наверху выстрелы.

- Год какой?

- Тысяча девятьсот восемнадцатый.

- У офицеров есть с собой что-нибудь блестящее?

- Только погоны.

Голос гипнотизера идет ко мне из запредельности. Наверно, я действительно плаваю во времени и одновременно очень хорошо представляю, где нахожусь, кто со мной, и если бы папа в эту минуту меня окликнул, я бы отозвалась.

- Давай все-таки поищем клад, - сказал гипнотизер. - Не знаешь, в каком году он заложен?

- Его вообще не было. Это выдумка старого хозяина. Только девочка спрятала здесь жестяную коробку.

- Про девочку не надо! - грубо вмешался Игорь.

- Но почему же? - вскричала я. - Она тут рядом. Я хочу ее разглядеть.

- Я же сказал - не надо! - рявкнул Игорь и обратился к гипнотизеру. - Пусть она идет, а этот парень поищет.

- Не дали досмотреть самое интересное, - с сожалением произнесла я.

- Как раз самое интересное ты проглядела. Если вообще что-нибудь видела, а не водила нас за нос, - сказал Игорь.

- Тебе лучше уйти, - дружески обратился ко мне гипнотизер. - Моему помощнику плохо. Если его не расшевелить, он потеряет сознание, а нам надо поработать.

Помощника, в самом деле, колотила нервная дрожь.

Я не то пошла, не то меня понесло к лестнице. У меня было такое ощущение, что я взбежала наверх на здоровых ногах, без хромоты и без костыля. Папа сидел у проема на табурете.

- Тебя гипнотизировали? - спросил он.

- Так я им и далась! - заносчиво проговорила я, но, отойдя в сторону, призадумалась.

- Пап, а как я вышла?

- Нормально, - сказал он.

- На костыль опиралась?

- Опиралась.

Значит, мне померещилось. Но как это здорово - чувствовать упругую силу ног, которые тебя и держат, и несут одновременно. Меня и сейчас еще не оставляет ощущение легкости, хотя я со всей очевидностью опираюсь на костыль. Это гипноз или выздоровление? Гипнотизер, должно быть, хороший парень. Наверно, он может не только клады искать, но и лечить, во всяком случае, оздоровлять психику. Мне, я думаю, он дал здоровый посыл.

Я села на табуретку рядом с папой и тоже стала смотреть в открытый лаз подполья.

Долго никто из них не показывался. Наконец, вылез недовольный Игорь. За ним гипнотизер - он нес на плече повисшего, как плеть, помощника. Я поднялась, уступая ослабевшему табурет. Гипнотизер опустил на него студента и, поддерживая его, чтоб не свалился, перевел дух.

- Ваш дом переполнен прошлым. Оно как пошло на моего парня, как пошло, он не сумел с ним справиться, - рассказывал гипнотизер. Поглядел на меня и прибавил:

- Ту девочку он тоже видел. Она была хромая, но вылечилась.

- А клад нашли? - поинтересовалась я.

- Нет, - сказал гипнотизер.

- Поиски закончены? - папа посмотрел на Игоря.

- Закончены, - буркнул тот, выходя в сени.

- Расходимся мирно и соблюдаем условия? - спросил вдогонку папа.

- Как договорились, - отозвался Игорь.

Гипнотизер подхватил помощника и потащил его следом. Я тоже вышла во дворик.

На стене во весь рост стоял Фомка и таращился вниз. Игорь прошел, не взглянув на него. Гипнотизер тащил обвисшего, как тряпичная кукла, помощника.

Выходя из калитки, гипнотизер обернулся ко мне и подмигнул.

Фомка побежал по крыше, желая не упустить ничего из того, что будет дальше. Я не двинулась с места. Слышала, как завелся мотор. Значит, Игорь повез экстрасенсов.

Фомка вернулся, сел напротив меня, свесив ноги.

- И ты на Сумского работаешь? - не то спросил, не то обвинил он.

- С чего ты взял? - опешила я.

- С того, что видел. В дом пустили, подполье открыли, сама с ним лазила.

- Лазила. Зато тебя с нами не было. Как это ты не поспел?

- Я главное видел. Ты к Сумскому переметнулась. С чего бы?

- Приручаем, чтоб не кусался.

- Зойка узнает - она приручит.

- Пусть получает свое. Она в мою личную жизнь вмешивалась.

- Какая это личная, когда она, как бутылка, одна на троих, и тебе в ней остатки.

- Ты-то что беспокоишься?

- За подругу обидно.

- Потому и продаешь везде и всюду?

- Где продал?

- Дерево забыл?

- Я думал, там золото, забашлять хотел.

- Так бы тебе и досталось!

- Не боись, я бы свое выдрал!

- Лучше скажи, надзор за мной снят?

- Команды отставить еще не давали.

- Так и будешь висеть на хвосте?
- Скажи спасибо, что приглядываю за тобой.
- Что-о?.. Нужен ты больно!
- Погоди, еще пригожусь.

Но не эта разговорная белиберда занимала Фомку. Его, как игла, кололо любопытство.

- Нашли у вас что-нибудь? - не выдержал он.
- Не нашли, Фомка.
- А они в этом соображают? - намекнул он на гипнотизеров.
- Соображают, Фомка.
- Вот гадство, не видел! Расскажешь?
- Как-нибудь...

21 июля 1997 года

Я летаю. Ощущение легкости в ногах не проходит. Я бы костыль отбросила, но мне не разрешают. Но и с костылем я не чувствую под собой ног. Это, наверно, потому что, наконец-то, из заперти вырвалась: мне никуда не запрещено теперь ходить, я никого не боюсь, меня никто не преследует и, кроме костыля, ничто не ограничивает мои передвижения.

- Шоня, тебе коштыль лишний, - заметил мое состояние Сережа.

Старуха Сумская приветливо кивнула мне из ограды и со смущением попросила игрушку, обещая показать мне взамен семейные фотографии.

Я принесла на лавочку деревянный футляр и записку. Старуха вышла с альбомом, похожим на старинный фолиант, - в сафьяновом переплете, с золочеными металлическими уголками и застежками.

Старуха села рядом со мной, положила фолиант на колени, надела очки и взяла из моих рук записку. Она прочла ее на несколько раз, изучила как будто каждую букву, а потом, как свою собственность, сунула в фолиант. Мне не понравилась ее бесцеремонность, но я постеснялась потребовать записку назад. Сумская потянулась за игрушкой. Я было запротестовала, говоря, что сама покажу, как она действует, но старуха вытянула из моих рук футлярчик. Поставив деревце на фолиант, она покрутила ключик и с жадным вниманием следила, как выползают веточки, как они расплетаются, как, вспыхивая, раскрываются листочки. При этом в ее тусклых глазах тоже вспыхивал блеск, а сама она взволнованно вздрагивала. Долго любовалась деревцем, а потом с грустным умилением следила за уползанием веток. Это повторялось вновь и вновь. Я думала, что она не наиграется. Я несколько раз пыталась отвлечь ее, предлагая посмотреть фотографии, но она отстраняла мою руку и снова крутила завод. Обезумела, что ли?

Но вот она беспокойно глянула на меня: не то вспомнила уговор, не то загорелась новой идеей, потому что вдруг свернула игрушку и спрятала футляр в колени, под фолиант.

- Сейчас найду тебе Наденьку, - возбужденно сказала она, перекидывая страницы так, чтобы я ничего не могла рассмотреть. Как ей жалко было делиться со мной, посторонней, своим семейным!

- Вот она, - ткнула Сумская пальцем в небольшого формата фотографию, расположенную в середине листа.

Наденька - в том же возрасте, что и я, - была снята вместе с родителями. То ли она сама наклонилась, то ли фотограф так ее посадил, но она несколько выдавалась вперед, оставив родителей слегка позади и даже как бы на фоне ее. А может быть, это родители, из-за безмерной любви своей, так ее выдвинули, а сами как бы отодвинулись в тень.

У Наденьки очень прямая посадка - будто она уже на коне. Впрочем, вполне вероятно, что она уже умела тогда ездить верхом, так как росла среди лошадей, конюшен и конюхов. У нее две тугих и длинных косички, продолговатое лицо ясного и твердого выражения, глаза светлые, с пытливым и строгим взглядом. Ее наклон вперед - скорее всего от непоседливости и стремительности натуры. Она рвется из старой эпохи, летит из нее, и потому хромоты ее незаметно, хотя на самом деле она хромала.

- Говорили, что я похожа на Наденьку, - произнесла Сумская.

Верно, похожа. И не только она - ее внучатый племянник тоже. У них одна упрямая и цельно направленная порода. У Наденькиного отца окультуренная и успокоенная, у Наденьки рвущаяся вперед, у старой Сумской круто осаженная назад и оттого не давшая цвета, у Игоря настырно прущая и подавляющая всех на своем пути. Интересно, каков был патриарх рода?

- А фотография Ионы Маркелыча у вас есть? - спросила я.

- Ты знаешь, как звали моего прадеда?.. - удивилась Сумская. - Его портрет в самом начале.

Она кинула страницы альбома назад и открыла фотографию пращура, крепкого сложением человека, с густой бородой, мохнатыми бровями, крутым носом и живыми, буравящими глазами. В нем видны были и порыв, и нахрап, и лихое упрямство, и жаркое любопытство, и рисковая страстность.

- Могучий у вас был предок, - похвалила я вслух.

- Это он все тут построил, - Сумская горделиво повела рукой вокруг.

- И все потерял, - добавила я.

- Революция отняла, - с каменным лицом проговорила старуха.

Я не успела возразить. Во двор въехал синий джип, из него вышли Игорь и Зойка. Дела у Игоря идут в гору, раз он машины меняет.

- Что, бабуля, семейные тайны выбалтываешь? - сказал Игорь.

Сумская вспугнуто дернулась, подхватилась с места и метнулась в ограду.

- А мое письмо и дерево? - крикнула я.

Старуха рысила по своему двору, не обращая на мой возглас внимания. Игорь улыбнулся, довольный моей растерянностью и таким поворотом событий. Проходя мимо, он покровительственно на меня посмотрел. Стоявшая за ним Зойка, помявшись, тоже направилась ко мне, ступая по-лисьи вкрадчиво и осторожно. Мы давно с нею не говорили, и у меня не было желания общаться. Она предала Галю, предала меня - и неизвестно, что еще замышляла. И тем не менее я с любопытством ее разглядывала.

За лето Зойка по-женски вызрела. В фигуре, правда, никаких перемен не произошло, зато в чертах лица усилилась надменная отточенность, на время умиротворенная, но в любую минуту готовая показать хищный оскал. Подавала себя Зойка на жгучий цыганский манер, с уклоном, почему-то, в черный цвет. Волосы она подрастила и вычернила до вороньего блеска, крупно завила, с ушей свисали огромные, как колеса, серьги из дутого желтого металла. На шее такое же кольцо ожерелья с сердечком, западающим в грудную ложбинку. Одета в короткую черную майку, оставляющую открытым живот, и короткую, только на длину ягодиц, черную обтягивающую юбку, на ногах черные замшевые босоножки на невероятном каблуке. С вкрадчивой грацией шага, с блестящими украшениями и начавшей приобретаться холеностью Зойка в захолустье нашего двора смотрится примадонной. Испорченная репутация только прибавляет ей шику.

- С Игорем помирилась - и со мной помирись. Что нам делить? - сказала Зойка, садясь рядом со мной на лавочку и обдавая меня ароматом неведомых мне духов. На меня словно повеяло иным миром, принизившим мой здешний, дворовый мир с Фомкой, Сережей и старухой Сумской. Я вспомнила запах черемухи на этой лавочке весной. Он тоже тревожил и волновал, но не принижал ничьих чувств, ничьего образа жизни и не обольщал попусту. Однако ж на всех нас, собравшихся тогда под черемухой, он подействовал по-разному и в разные стороны нас увлек.

Я промолчала на Зойкины слова о примирении. Она поняла мое настроение, посмотрела на меня затуманенным взглядом.

- Ну, виновата я перед тобой, Соня, ну, прости. Не подведу больше. Но и ты меня пойми... Попробовала бы ты возразить Игорю, когда он чего-то захочет. Мы с Фомкой, сколько могли, прикрывали тебя. Но ты умница - сама за себя постояла.

- Фомка, может, и прикрывал, а ты, Зойка, нет, - сказала я.

- Знаешь что, каждый сам за себя отвечать должен, - недобро бросила Зойка.

- При любых обстоятельствах?

- При любых.

- Ты злая, Зойка, и опасная, - сказала я.

- Не болтай ерунды, Хромоножка, - лениво отозвалась Зойка, разглядывая приподнятые ноги в замшевых босоножках. - Побыла б ты в моей шкуре, многому бы обучилась.

- Игорь тебя обижает? - спросила я.

- Не обижает, но и не дает спуску. Впрягает на полную катушку, и не только меня - всех, кто с ним. Возле него не покайфуешь. Но меня он продвигает, о будущем думает, - говорила Зойка. Туман в ее глазах рассеялся, и я увидела их натуральный, серый с черной зеленью цвет. - Слышала о такой специальности - сексопатолог? Круто, правда? А психосексопатолог еще круче. Я буду на них учиться. Игорь хочет, чтоб я в медицинском бизнесе себя проявила. Когда диплом получу, возьму лицензию, кабинет свой открою, клиентуру заведу. С клиентурой проблемы не будет. Она сейчас уже есть. Знаешь, богатенькие импошки. Я их лечу за хорошие бабки. Подпольно пока, а когда-нибудь буду открыто. Этой осенью в медицинский колледж поступаю. Как его кончу, в академию сразу пойду.

Зойка явно хвасталась передо мной.

- Значит, с Игорем у вас чисто деловые отношения? - сделала я вывод.

- Ты что! Стал бы он обо мне беспокоиться? У нас с ним классно. Я его женщина, - Зойка посмотрела на меня с превосходством.

- Кто он такой, Игорь? Чем занимается? - спросила я.

- Разным, - уклонилась Зойка. - В том числе он еще и секс-менеджер.

- А это что?

- Ну, всякому клиенту по вкусу пару находит.

- Сводник, значит.

- Это давно устарело. Ты современный уровень бери. Знаешь, какие запросы бывают? Игорь ни разу не оплошал. Здесь не найдет - из другого города привезет, а заказ выполнит.

- Вот, почему вы за Галей охотились? - догадалась я.

- Ну да, - залилась смехом Зойка. - Представляешь, как она бежала? Как обезумевшая курица. Голова вперед, ноги назад, глаза выпучены, лицо растеклось. Кому такая красавица нужна? Галька слишком уж на любителя. Но один чудак был - такие бабки выставлял. В его вкусе как раз клуши, вроде Гали. Она в убытке бы не осталась...

- Зой, а сама ты - в чьем вкусе?

- Я, как первая группа крови, на все вкусы. Но суровые мужики сильней меня обожают.

- А Юле ты что посоветовала? - как бы невзначай задала ей вопрос.

- Юльке? Это когда ты хахаля у нее увела? Ой, умора, стоит возле меня цыпка побитая в узеньких брючках и ноет. «Чего, - говорю, - ноешь? Тебе разве крыть нечем? Да я б твои ноги вместе с задницей открывала!». Так что, Сонька, держись: думаю, в ум ей запало.

- А чувства, Зой, ты совсем в расчет не берешь?

- Чувства - они для убогих, кому надеяться не на что.

- Ну, а сама ты во что веришь?

- В любовь верю и в деньги. Согласна на два в одном - любовь за деньги, - засмеялась Зойка и встала. - Схожу, своих навещу, а то уезжать скоро. Так ты не дуешься на меня? У нас с тобой мир? - переспросила она.

- В основном да, но за Колю я тебе не прощаю.

- Я-то при чем, если он облезлый, - пожав плечами, небрежно бросила Зойка. - Ладно, еще как-нибудь поболтаем, - пообещала она и пошла.

В ограде Сумской показался озабоченный Игорь. Завидев его, Зойка остановилась, ожидая распоряжений. Ей он ничего не сказал, а мне выговорил:

- Зря ты бабке игрушку дала. Она на ней помешалась.

Он обогнул машину и побрел за сараи. Зойка торопливо побежала к себе. Я размышляла: сейчас потребовать унесенное или ждать случая?

Из-за сараев Игорь вышел вместе с Сережей. Они молча прошли мимо меня, и я тоже промолчала, поняв, что у Сумских появились какие-то сложности.

28 июля 1997 года

Мы с бабушкой солим огурцы. Папа с мамой привозят их из садов, а мы с бабушкой перерабатываем. В прошлые годы папа отвозил готовые банки в гараж, где у него погреб. Теперь у нас есть подполье. Туда хоть бочки закатывай, все равно место будет. Мы с бабушкой уже два отсека заложили соленьями, вареньями, маринадами. Мне нравится носить вниз теплые баночки. Когда я помогаю бабушке у стола, то еще костылем подпираюсь, а хожу уже с тростью.

В подвале прохладно, просторно и чисто. Мне там ясней и осмысленней думается. Пока ставлю баночки, размышляю. Самая болезненная мысль - о Коле. После нашей прогулки по набережной он ни разу ко мне не пришел. Юля тоже не заходит. Они оба выпали из моего поля зрения. Для меня это плохой признак. Где они? Вместе или нет? Впрочем, они всегда вместе, потому что партнеры. Мы с Колей, когда были партнерами, тоже много времени проводили вместе. Репетиции, выступления, переплетенные интересы, нарастающее притяжение... Я чувствовала по его глазам, которые неотрывно смотрели на меня, по его рукам, которые нежно и бережно меня поддерживали, что мы неудержимо неслись навстречу на своих неокрепших крыльях. Но мы промахнулись в полете. Ошибка была моей. Я всецело положилась на его крылья и не подключила свои. И во второй раз, на набережной, ошибка тоже была моей: я все передоверила своим крыльям и ничего не оставила для его. А третья моя ошибка, наверно, в том, что я, несмотря ни на что, продолжаю верить, что перечувствованное вдвоем нельзя повторить ни с кем другим.

Сидя на ларе в подполье, я мысленно прокручиваю в памяти все, что у нас было с Колей. И вдруг холодею: а что если он это же самое повторяет с другой? «Чувства - для убогих», - сказала Зойка. То есть для таких, как я, инвалидов? Но я уже излечиваюсь от убогости - и все равно продолжаю удерживать Колю в сердце. А он меня?.. Он мальчик, он должен быть сильнее. Ну ничего, всего-то месяц продержаться осталось. А там школа, будем вместе. Папа перенес мои документы из прежней моей школы в ближайшую к нам теперь. Это гимназия. Коля и Юля в ней учатся. Коля пойдет в одиннадцатый, Юля в десятый, а я в девятый класс. Я буду на своих ногах, может быть, даже без трости. У меня снова появятся одноклассники. Я так соскучилась по большим компаниям! Дружить буду с кем захочу, а не так, как сейчас, - с теми, кто вокруг есть. Нет, дружить буду со всеми, чтобы вокруг меня всегда было шумно. Танцевать придется только на дискотеке. Это не беда, лишь бы скорее. Мы с Колей снова создадим пару, но уже дискотечную. Ну и что же, что Юля с ним на сцене, - на дискотеке с ним буду я.

Я обратила внимание, что в мои мечтанья вкрапляется какой-то тревожный звук. В нем стон и невнятное бормотанье. Это не из моих иллюзий, в них все прекрасно. Неужели из прошлого? За сто лет в доме чего только не происходило, а страсти человеческие оседали в подполье... Нет, звук как будто сегодняшний, он живой. Кто-то стонет, но не рядом, а в стороне. Я прислушалась. Это не под нашей квартирой. Здесь все спокойно и мирно, при электрическом освещении каждый угол просматривается. Звук из-за перегородки. Я приложилась ухом к одной стенке и к другой. Бормотанье и стон шли от Сумских. Я различила слово «помогите».

- Бабушка! - подскочив к лестнице, крикнула я наверх. - Спустись сюда!

- Что такое? - взволновалась бабушка, уловив в моем голосе тревогу.

Она тяжело сошла по ступенькам, и мы обе приникли к перегородке в подполье Сумских. И теперь уже обе уловили стоны и слово «помогите».

- Сумская стонет, - сказала я.

- Похоже, - согласилась бабушка.

С того дня, как старуха утащила у меня игрушку, я в ограде ее не видела.

- Игорь говорил, что она помешалась, - сказала я бабушке.

- И они загнали ее в подвал? - ужаснулась бабушка. - Надежда Николаевна, это вы? - закричала и застучала она в стенку.

В ответ последовало невнятное бормотанье.

- Надежда Николаевна, отзовитесь! - повторила бабушка.

Слово «помогите» повторилось еще два-три раза, но так же бессвязно и монотонно.

- Она без сознания, - предположила я. - Наверно, давно тут сидит.

- Господи, да тут холодно, она же простынет! - забеспокоилась бабушка. - Кто-нибудь наверху у них есть?

- Я Сережу видела. Видно, он за нею присматривает, - сказала я.

Бабушка застучала и закричала сильнее, призывая старуху сказать, чем ей помочь. Ничего разборчивого в ответ не донеслось.

Опираясь на трость, я пошлепала наверх, а оттуда во двор.

В ограде у Сумской на корточках сидел Сережа и приколачивал доску к порожку. Я давно уже вижу, как он тут по хозяйству хлопочет: то дорожку метет, то цветочные кусты подправляет, то дверь чинит, теперь крыльцом занялся.

- Сережа! - окликнула я.

Он повернул ко мне уже не такое заросшее, посвежевшее, но все еще отвлеченное из-за самоуглубленности лицо и приветливо улыбнулся.

- Сережа, - сказала я, - у вас в подполье кто-то стонет.

Улыбка на Сережином лице погасла, он отвернулся, продолжая тюкать.

- Сережа! - еще раз окликнула я.

- Меня Щергеем Макаровищем клищут, - неохотно отозвался он.

- Ах, тебе хочется, чтобы тебя по отчеству величали? - вскипела я. - Хозяином тут похаживаешь... А у тебя в подполье человек помощи просит - почему не помогаешь?

- Ага, пойди помоги, увидишь, што будет, - пробурчал он.

- Так, что же - оставлять человека в беде?

- Какой это щеловек, это уже не щеловек, - заявил подворник.

- Значит, по-твоему, она пропадать должна?

- Ты шама виновата. Жащем давала игрушку? Она жаводила ее, жаводила, шломала - и ш ума штронулащь, в подполье лежет, щего-то ищет.

- Надо же что-то делать, Сережа! - сказала подоспевшая бабушка. - Скорую помощь вызвать, милицию...

- Пушть выживает хожяин, а я шторожем тут. Бегать жа шкорой помощью мне не накаживали, - уперся Сережа.

Так и не пошел. Папа приехал с работы, вызвал скорую помощь и милицию сразу. И только после этого приехали Игорь с Зойкой.

Мы с Зойкой торчали у калитки сумсковской ограды, когда санитары вынесли из дома серый шевелящийся ворох. Старуха металась, повторяла свое неизменное «помогите», ни к кому, впрочем, не обращенное. Ее безумно блуждающий взгляд зацепил Зойку и вспыхнул безумным огнем.

- Матилька! - вскрикнула она и дернулась так, что санитары чуть не выронили носилки. Ругнув сумасшедшую, они быстро потащили ее к машине.

- Фу, гадость какая! - поморщилась Зойка.

- Ты ходила туда? - кивнула я на квартиру Сумской.

- Еще чего! - содрогнулась Зойка. - Я этой бабкой брезгую.

Припав к ограде, Сережа наблюдал, как уносят старую хозяйку.

Игорь в доме объяснялся с милицией. Сумскую, еще живую, но для соседей как бы уже мертвую, вышел провожать весь двор.

Она в самом деле сюда больше не вернулась. Через несколько дней умерла, и ее хоронили из ритуального зала.

Уголовного дела на Игоря не завели, он оправдался. Сережа закрыл свою сараюшку и перебрался в опустевшую квартиру, чтобы охранять ее, пока внучатый племянник в положенный срок не примет во владение завещанное ему наследство.

15 августа 1997 года

Я иду, опираясь на трость, по солнечной стороне главной улицы. Я слегка поигрываю тростью, стараясь отвлечь внимание прохожих от моей, еще заметной хромоты. Но она, должно быть, у всех на виду, и я только себя обманываю. Определенно я никуда не иду, прогуливаюсь от скуки, чтобы знакомых встретить, поболтать. Навстречу мне течет разреженный поток прохожих. Пожилые люди движутся в одиночку, реже парой, молодежь проходит по двое, по трое, иногда группой, дети пробегают ватажкой. Так как толпа не густая, а улица прямая, я могла бы видеть далеко впереди. Но солнце светит в лицо и слепит глаза. Поэтому Юля с Колей возникли вдруг прямо перед самым носом - и заслонили собою все: и солнце, и улицу, и людей, и мою жизнь.

Прежде всего мне бросились в глаза их руки, сцепленные в замок. В другой руке у Юли цветы. Она в коротеньких шортах и напускной блузе без рукавов. На стройных ножках - туфли-лодочки на небольшом каблучке. Зойка угадала: в открытом виде Юлины ноги неотразимы. От внезапной остановки Колины волосы насыпались на лоб, и глаза из-под завесы загадочно мерцают. Коля не делает попытки откинуть волосы с глаз, так и глядит на меня, будто из-за укрытия. У обоих забалделый и слегка притомленный от переизбытка общения вид. Совершенно очевидно, что они в упоении друг от друга. Значит, все наше с ним Коля повторил с Юлей, и она ему во всем меня заменила.

Встревоженная неожиданной встречей, Юля, не отцепляя своей руки от Колиной, выдвинулась вперед, как бы заслоняя его от меня. Он прирученно и смущенно выглядывал из-за ее плеча, а она тараторила:

- Ой, Соня, ты пошла на поправку? Поздравляю! У нас с Колей такое загруженное лето, просто ужас! В июне гастроли с театром, в июле и августе гастроли с ансамблем. Выступали в Хабаровске, вернулись, поехали в Китай, выступали в Харбине, Цицикаре, других городах, не считая Хэйхэ. Наш с Колей дуэт пользуется успехом. Всю дорогу на бис. На каждом концерте цветы, сувениры. Завтра с ансамблем едем во Владивосток, отдохнем неделю у моря.

- Рада за вас, - как можно небрежней проговорила я, на самом деле оглушенная их успехами.

Юля радостно таращила на меня свои пронзительные глаза негритенка с глянцевитыми радужками и ослепительными белками. Когда-то я любила ее за эти глаза. Они мне казались образцом искренности. Они и сейчас не обманывали. Юля по-честному меня победила. Это я неосторожно сошла с дистанции.

- Соня, за тобой уже не охотятся, ты одна ходишь? - не то с заботой, не то с издевкой спросил из-за Юлиного плеча Коля.

И тогда я заявила о своих успехах:

- Почему же одна? Если внимательно оглядеться, обязательно встретишь глаза, которые пристально за мной наблюдают.

Юля от моих слов вспугнуто дернулась, глаза забегали туда-сюда. Прежде всего, я полагаю, она испугалась за Колю, ну и за себя тоже: как бы не втравиться со мной в какую-нибудь историю!

- Извини, Соня, мы спешим. Надо собраться в дорогу. Счастливо тебе, - впопыхах бросила Юля, уходя сама и утаскивая за собой Колю. Напоследок он оглянулся, извиняюще мерцая глазами из-за занавеси волос.

«Оставь свои извинения при себе, я в них не нуждаюсь», - не знаю, понятно ему или нет, ответила я своим взглядом.

Непроизвольно я еще продолжала идти в том направлении, в котором шла, но мне никуда уже не было нужно. Тростью я больше не поигрывала и хромала, как положено, не заботясь, насколько это заметно. Помню, я задирала подбородок, не из-за высокомерия, конечно, а чтоб удержать в глазах слезы, но они все равно растекались по лицу, и я промокала их волосами.

- Хромоножка, ты плачешь? - встал передо мной Фомка. Его глаза щурились, в них гуляли насмешливые искры.

- А ты подсматриваешь? - безразлично сказала я.

- Не подсматриваю, а охраняю, - поправил Фомка.

- Разве можно охранить от измены? - вздохнула я, рукой вытирая слезы.

- Знаешь, они такие счастливые, не хотелось бить в морду, - произнес Фомка.

- Что ты, Фомка, разве этим поможешь? - тихо сказала я.

- Меня Серегой зовут, - почему-то напомнил Фомка.

- А по отчеству как? - я вспомнила Сережу-надворника.

- Васильевич.

- Вот что, Сергей Васильевич, сгинь с моего пути и не попадайся мне на глаза, по крайней мере сегодня, - я отвернулась от него, глядя туда, куда ушла влюбленная пара. Ее давно уже не было видно. Она исчезла из моих глаз и из моей жизни. Мир от этого не рухнул, но рассыпался на отдельные, не связанные между собой составные. Люди виделись уже не толпой, а каждый человек поодиночке. Дома не имели никакого отношения к людям, идущим мимо них. Машины катили не потоком, а каждая сама по себе. Солнце светило для себя, небо не обнимало землю, а я была осколком в этом расщепившемся, утратившем связи мире.

Откуда-то вынырнула Фомкина рука и протянула мне мороженое. Странно, но и мороженое я восприняла както отдельно, вне связи с Фомкой. И в самом мороженом не почувствовала ни вкуса, ни запаха, но съела, кажется, до конца. Снова Фомкина рука подала мне мороженое, снова я приняла его так, будто оно появилось само собой, ниоткуда. Передавая мне очередное мороженое, Фомка что-то говорил: должно быть, пытался обозначить в моем сознании эту самую ниточку связи, но я не слышала и не понимала его слов. А когда Фомкина рука с мороженым перестала появляться передо мной, мир окончательно отделился от меня - или я отделилась от мира и от себя в том числе.

Дома я закрылась в комнате и легла на кровать, собравшись в комочек. Передо мной потянулись долгие и утомительные видения: будто все поодиночке от меня уходило. Уходили за горизонт дома, машины, люди. Это происходило так медленно и продолжалось так бесконечно, что я уставала провожать взглядом каждую человеческую фигуру, каждый дом, каждую машину. Пробуждаясь, я стряхивала с себя сновидение, но оно снова обволакивало сознание - и передо мной вновь возникала картина ухода.

Когда стемнело, меня разбудила мама, пощупала лоб - тогда еще все было в порядке, - позвала ужинать. Я отказалась. Мама заставила меня умыться, расстелить постель и лечь по-человечески. Я подчинилась всем ее распоряжениям и упала в тот же сон. Но теперь движение за горизонт сопровождалось невыносимой головной болью.

Утром я проснулась с огнем в горле и жаром в груди. Несколько дней я только болела и только лечилась, не имея сил ни думать, ни сожалеть, ни печалиться. А потом, вместе с физическим облегчением, для меня наступило облегчение душевное. Я выболела свою несчастную любовь до пустоты в сердце.

Когда мне стало получше, Фомка прорвался ко мне, вымолив у бабушки разрешение.

- Хочешь, я набью ему морду? - вдохновенно сказал он.

- Себе набей. Это ты пичкал меня мороженым. Сколько я съела?

- Пять, - сконфузился Фомка.

- Разве можно столько давать?

- Ты ела и ела.

- Я ж не в себе была.

- Я больше съедаю, и со мной ничего не бывает.

- Ты закаленный. Можно, я тебя кое о чем попрошу?

- Ради Бога! - встрепенулся Фомка.

- Позволь называть тебя Фомкой. Как Серега ты много теряешь.

Фомка замялся.

- А ты называй меня Хромоножкой, - добавила я.

- Мне хочется тебя Соней звать, - Фомка опустил глаза.

Я увидела, что вокруг его головы уже нет ореола, похожего на одуванчик. Светоносный нимб уничтожен ради зализанной прически. Как мальчишке не терпится вырасти!

- Хорошо, называй меня, как получится, - нашла я выход.

- И ты тоже. Но все же иногда говори «Сережа» - может, привыкнешь? - он просительно посмотрел на меня.

«Неужели я так же быстро расту? - с сожалением подумала я. - Ну, конечно, раз целовалась с Колей, значит, выросла. А этот негодник видел и тоже захотел побыть женихом...»

- Соня, а мне можно тебя кое о чем попросить? - помолчав, проговорил Фомка.

- Конечно, можно.

- Я не хочу больше за тобой ходить. Я хочу ходить рядом. - Фомка глядел на меня напряженным, выжидающим взглядом.

- Ходи, - ответила я, - только ненавязчиво, потому что иной раз мне захочется одной побыть или с кем-то еще. Ты не должен мне мешать.

- Ладно, не буду, - с неохотой согласился он.

Так я освободилась от его неусыпной слежки.

А вечером того же дня ко мне в комнату зашел папа, сел напротив и сказал:

- Фирма покупает для меня квартиру. По договору я обязан постепенно расплатиться. Дом достраивается. Где-то зимой или к весне переедем. Это недалеко отсюда, на набережной. Когда поправишься, мы сходим и посмотрим. Думаю, тебе понравится. Дом высотный, весь в лоджиях. У нас будет третий этаж, двухкомнатная квартира. Бабушку мы заберем с собой и буфет тоже. Вы с ней поделите одну комнату. Мы с мамой займем другую. Дом поставлен так, что все окна глядят на Амур. Дом новый, без легенд и преданий. Начнем жизнь с чистой страницы.

- Представляю, как мама радуется, - проговорила я.

- А ты? - спросил папа.

- Я тут привыкла.

- К чему ты привыкла? - энергично входя в комнату, сказала мама. - К низкому социальному уровню, сомнительному окружению, бездуховной и неинтеллигентной среде?

- Зато здесь я не была одна и ущербной себя не чувствовала, - возразила я. - А твое интеллигентное окружение отвернулось от меня в первый же момент.

- Но с кем ты водилась? Это же криминальный и полукриминальный контингент! Сколько потрясений мы пережили, сколько страха за тебя набрались! - выплескивала наболевшее мама.

- Да, мама, мы были здесь чужаками. Но ты заметила, что нам уже никто не досаждает? Я научилась ладить со

всеми. Чтобы тебя хотя бы не предали - надо крепко запасть человеку в душу. А если он все равно предает, значит, перед тобою подлец и надо держаться от него подальше. Я так и поступлю с одним человеком из твоей, мама, интеллигентной среды. А двор передо мной ни в чем не виноват. Он учил меня стоять за себя и ни в коем случае не поддаваться. Я тут выздоровела, поумнела, и мне тут нравится.

- Я так понимаю, что ты не хочешь подниматься на более высокий уровень? - спросила мама.

- Я с него не сходила, мама! - защищалась я. - Я же прочла все, что ты мне наносила, и языком занималась, только на пианино не играла, и то осенью начну наверстывать.

- Значит, ты не против переезда в современную квартиру? - допытывалась мама.

- Я не знаю. Надо подумать.

- Подумай, - поднялся со стула папа. - Но квартиру мы все равно покупаем. Не считай, пожалуйста, это изменой своему двору, хоть ты его и полюбила. Это движение жизни. А в твоем возрасте перемены полезны.

- Пап, а что будет с этой квартирой? - крикнула я вслед выходящим родителям. Папа остановился, усмехнулся:

- Продам тому же Сумскому. Он пытался нахрапом нас выселить, пусть попытает счастья в законной сделке. Но ради него цену спускать я не буду.

У меня застряли в голове папины слова о полезности перемен. Я весь вечер думала о них, а ночью то ли во сне, то ли в бессоннице, они сопровождали мои видения. Передо мной встала Наденька Сумская - не девочка-подросток с фотографии, показанной мне старой Сумской, а девушка-чекистка, и почему-то не в кожаных прибамбасах - тужурке и фуражке, а в красноармейской длинной шинели, провисшей на ее тонкой фигуре, и глубоком суконном шлеме, расстегнутом у горла. Я вижу ее в сумерках, вечерних или предутренних. Она входит в ворота (тогда еще здесь были ворота) и идет по двору. Из темных глубин шлема слегка выступает острый кончик носа (девушка отличается не красотой, а силой характера). Походка ее нетороплива и слегка расслаблена, словно она в ходьбе отдыхает от тяжкого дня или ночи. В глубоком кармане шинели спрятан пистолет, но охраняет ее не он, а скользящая позади тень Станислава Браницкого. Чекистка знает об этой тени и, вероятно, полагается на ее защиту, оттого-то походка расслаблена и пистолет глубоко.

Но в двадцать седьмом году девушка пренебрегла безопасностью, которая была обеспечена ей в этом дворе и в этом городе, и уехала. Пошла ли ей эта перемена на пользу? Что с нею дальше стало? Ее ожидали страшные тридцатые годы. Выжила ли она в них - или разбилась на острых камнях того рокового десятилетия? Двору о ее дальнейшей судьбе ничего неизвестно. Но родственники что-то, должно быть, знали, потому и удержали вторую Наденьку от повторения пути предшественницы. А ведь они были похожи и лицом, и характером. Но первая всю силу отдала полету, а вторая - торможению. Может, вторая Надежда просто не сумела набрать высоты, знала об этом и всю жизнь завидовала удаче предшественницы? А может, выбрала верность двору и дому, чтобы хоть что-то сохранить за родовой фамилией? Это и стало острыми камнями ее судьбы, бессмысленной и бесполезной жертвой. Прибавим сюда несложившуюся личную жизнь, засасывающее однообразие. Отсутствие впечатлений и перемен привело к тому, что она стала жить переживаниями предшествующих поколений, давно отшумевшими событиями, накладывая образы ушедших людей на ныне живущих. Потому-то и я была для нее Наденькой - когда девочкой-подростком, а когда и девушкой-чекисткой. Мама моя ей представлялась Матильдой, а потом этот образ она перенесла на Зойку.

А разве я не прожила эту зиму под впечатлением ушедших событий и образов? Допустим, я играла, а у Сумской это было начавшимся умопомрачением. Но исходный момент один: замкнутость жизни, скудость событий и впечатлений. Папа прав, мне нужны перемены, как нужны они были и Наденьке, и второй Надежде.

Утром, невзирая на бабушкины запреты, я побежала смотреть новый дом. Он оказался совсем такой, как представился мне из папиного рассказа, - белоснежный парус, вознесенный над городом и рекой. Внизу его обступают беспарусные суденышки: низкие деревянные дома и невысокие каменные строения, - но вверху, в поднебесье, у него нет конкурентов.

«Вот это полет!» - сердце у меня заколотилось.

Конечно, со временем и его обживут, как самый обычный дом. Он обрастет прошлым и настоящим. А пока он - чистая страница. Здесь даже образ Ларисы Огудаловой не придет мне на ум. Все мысли и дела будут устремлены в будущее. Увы!..

25 августа 1997 года

К концу лета наш двор выспел, как запоздалая ягода. Во всех палисадниках цветут пурпурные, бордовые и темно-красные георгины. На всех штакетниках сушатся багровых тонов одеяла. Да еще солнце, загустевшее к осени в вязкий оранжевый сироп, обильно и щедро поливает двор насыщенным концентратом.

В ограде у Сумской цветы полыхают с одуряющей страстью, отдавая прощальный салют умершей хозяйке. Сережа озабоченно похаживает возле них, с неодобрением поглядывая на пышное цветение.

Меня Сережа сторонится, не поднимает глаз и не заговаривает. Я тоже не имею горячего желания вести с ним разговоры.

Из квартиры Сумской изгоняется последний дух прежней хозяйки. Работают строители, капитально все переделывая. Сережа при них надзирателем.

Старухин скарб тоже перетрясли. Отбракованное Игорем Сережа перетаскал в свой сарай, в котором больше не живет. Старую, но ценную мебель Игорь отвез на реставрацию. Что он тут хочет устроить? Не жить же здесь собирается! А что он сделает с нашей квартирой, когда ее купит? Папа говорил, что Игорь обрадовался возможности ею завладеть. Неужели он стал дорожить родовым гнездом или все еще надеется отыскать клад? А вторая половина дома входит в его планы или нет? Если входит, то будет ли он сманивать жильцов переехать, как когда-то сманивал нас?

Полагаю, что наш дом ожидают колоссальные перемены, если не сказать потрясения. Жаль, что мне не придется в них участвовать.

Возвратилась Галя Малахова, да не одна, а с охраной. С ней постоянно ходит плечистый крепыш простоватого вида. На всех, кроме Гали, поглядывает сурово, а на Галю с обожанием. Галя рядом с ним чувствует себя в безопасности, а он возле нее, похоже, видит себя героем, наверно, дожидается случая доказать это на деле.

Галя отыскала своего защитника где-то там, около тетки, у которой провела лето. Парень будет учиться в строительном колледже и жить у Гали, в бывшей комнате ее прабабки. А Галя будет доучиваться в школе. Они влюблены друг в друга, и над ними уже поблескивает супружеский венец.

Теткины молоко и сметана не вернули Гале утраченной пышности, а влюбленность - прежней смешливости. Это ушло. Но глаза ее - все те же плавящиеся ириски, притягательные и сладкие.

- Мы с ним живем, - призналась мне Галя, - почти сразу, как объяснились и все наперед решили. Лучше так, по согласию, чем кто-то возьмет силком. А он охраняет свое.

Гале теперь не до меня, и все же один раз нас швырнуло друг к другу прощальным приветом уходящей дружбы. Галя сошла со своего крыльца, а я вышла из своей калитки. Галя была без своей охраны, а я без своей. Мы устремились навстречу, а когда сошлись посреди двора, то поняли, что нам тесно среди георгинов и просушивающихся одеял. Не сговариваясь, мы повернули в город. Галя была в балахонистой юбке и балахонистой блузе из пес-

трого трикотажа. Я в короткой юбке, но не такой, как носит Зойка, под самую задницу, а до половины бедра, и в абрикосовом джемперке с короткими рукавами. Но самое главное, я была без костылей и без трости. Я прихрамывала, но пока не устала, это было мало заметно.

Мы с Галей, гуляя, шли по солнечной стороне главной улицы, в направлении к площади. Солнце было слишком горячим для последних дней лета и для утреннего еще часа. У Гали запотел лоб и взмокли на висках волосы. Она плавилась, как большая ириска. Мне, с моей ногой, тоже было тяжко на солнцепеке, и мы перешли на теневую сторону. Здесь нам стало полегче, и мы могли держать под наблюдением обе стороны улицы. Мы прошли по холодку длинный красный фасад завода, прошли под тополями скверика. Перед зданием медицинского колледжа толпилась молодежь, в основном девушки, но были среди них и ребята. Мы с Галей спокойно прошествовали бы мимо, если бы не увидели выходящую из дверей Зойку. Мы невольно приостановились, разглядывая ее. На ней были ее огромные, качающиеся под кудрями серьги, облепляющая задницу черная юбка, зеленая майка в обтяжечку и черная сумка через плечо. Вся молодежь, какая была на площадке перед домом, так и уставилась на нее. Зойку это не тронуло. Она с форсом прокозыряла бы мимо, но увидела нас с Галей и понеслась прямиком к нам.

- Идем скорее отсюда, - заполошно прошептала Галя.

- Давай обождем.

- Ты что - забыла, какая Зойка?

- Она с тобой помирится, - пообещала я.

- Нужно мне ее примирение, - недовольно проворчала Галя. Но уходить было уже поздно: Зойка с шумом на нас налетела.

- Все, девочки, поступила! Сейчас видела себя в списках.

- Поздравляем, - сказала я за себя и за Галю, потому что та скучно промолчала. Но для Зойки ее молчание ничего не значило. Она бурно и с восклицаниями набросилась на бывшую подругу:

- Ой, Галя, ты приехала? Я слышала, с женихом? Рада за тебя, - теребила она Галю, обнимая, целуя и что-то шепча на ухо, отчего Галя сначала оторопела, потом смутилась и на глазах подобрела.

Добившись от Гали, чего хотела, Зойка принялась за меня.

- Хромоножка, ты уже без подпор? Какая ты хорошенькая, и ножки что надо!

- Забыла, как недавно нахваливала другие ножки? - с упреком напомнила я.

- Выбрось из головы, свое ты всегда возьмешь, - не моргнув, ответила Зойка.

По-моему, она забалдела от своего поступления, так как была девушкой целеустремленной и напористой в своих желаниях.

- Вы куда, девочки, направляетесь? - поинтересовалась Зойка, обнимая нас с Галей обеих сразу.

- Просто гуляем, - сказала я.

- Возьмите меня, я давно просто так не гуляла!

С Зойкой мы сразу стали приметной компанией. Прохожие лупили на нас глаза.

- Девочки, у нас у всех счастливые перемены. У Гали - жених, у Сони - ноги, у меня - поступление, - говорила Зойка. - Давайте это отметим. Я угощаю.

Зойка показала кивком на угловую кафушку-забегаловку на противоположной стороне улицы.

- Я не пойду, меня, наверно, дома хватились, я ушла, никому не сказала, - стала отговариваться Галя, упорно не доверявшая Зойке.

- Пойдем, - сказала я ей. - Все какое-то разнообразие!

- Хватит с меня разнообразий, - буркнула Галя.

- Вы что, девчонки, меня боитесь? - вмешалась Зойка. - Да расслабьтесь вы, я по-честному с вами. Хочется мне погудеть со старыми подружками, сделать приятное вам и себе. Поверьте, девочки!

- Поверим? - глянула я на Галю.

- А ты веришь? - спросила она.

- Верю.

- Я не очень, но ладно уж, рискну, - сдалась она.

- Какие вы заторможенные, - качнула серьгами Зойка и повела нас через улицу.

Угощать Зойка принялась на широкую ногу. Она потребовала всего самого интересного, что было в кафушке. Мы взяли по полуторной порции мороженого с орехами, разного типа пирожных, по четыре штуки на каждого, большую бутылку шипучей воды и по плитке шоколада. Круглый белый столик в углу небольшого зальца был заставлен полностью. Галя потрясенно пялилась на это изобилие вкусных вещей. Я, наверно, выглядела не лучше. Мы обе с ней задичали, оттого что давно не бывали на людях. Зойка откровенно забавлялась нашей забитостью и держалась с нами, как дама-патронесса с неразвитыми воспитанницами.

- Галя, ты у нас невеста, тебе надо сменить прическу, - не одобрила она Галину лохматую косичку.

- Мне так удобно. Встал, заплел и горя не знаешь, - отозвалась Галя, склонившись над мороженым. Зойка подняла брови:

- Самое удобное - халат и тапочки. Надеюсь, до них ты еще не дошла?

Галя уставила на нее ирисковые глаза, подумала - и засмеялась:

- А правда, самое удобное!

Ну, точно, совсем обабилась возле своего жениха.

- Отсюда зайдем в парикмахерскую и сделаем тебе прическу, - решительно заявила Зойка.

- Зачем это? - насторожилась Галя и подозрительно огляделась.

Зойка поняла ее опасение и усмехнулась.

- Не бойся, это не для кого-то, это для тебя, чтобы быть красивой и нравиться жениху.

- Я и так ему нравлюсь.

- Чувства надо стимулировать, а то угаснут.

Галя схватила рукой косичку, словно защищая ее.

- Стричься я не дамся.

- Никто не собирается тебя стричь. Закрутим спиралями, будешь у нас в локонах.

Разобравшись с Галей, Зойка повернулась ко мне.

- А тебе, Соня, надо носить сережки. Не такие, как у меня, - она качнула колесами, подвешенными на тонкой цепочке, - гораздо скромнее, чтобы они выглядывали из-за твоих волос, как потаенный лесной цветок.

Я потрогала свои мочки. Уже год я не носила сережек и совсем отвыкла от них.

- Почему потаенный? - спросила я.

- Это твой стиль, Хромоножка. Ты будешь притягивать тайной.

- Одного я уже притянула, - горько заметила я.

- Зато второй притянулся сам, - с намеком сказала Зойка - и тут пришла моя очередь пугливо оглядываться.

- Да не трусьте, девчонки, никто за нами не подглядывает, - успокоила Зойка.

На всякий случай я обежала взглядом маленькое помещение, глянула на раскрытую дверь, в окна. Фомки вроде как не было, но от него все можно ждать.

- Соня, - обратилась ко мне Зойка, - ты у нас во дворе все знаешь, скажи, кто такая была Матилька?

- Матильда Браницкая, - сказала я.

- Моя родственница? - удивилась Зойка.

- Наверно, прабабка.

- Фу, какое старье. И помнят же! Кто она была такая?

- Певичка в ресторане Сумских.

- У Сумских был ресторан?

- Да, в нашем доме.

- А еще что ты про нее знаешь?

- Ну, она была любовницей старого Сумского.

- Сумские, выходит, на роду мне написаны, - подумав, усмехнулась Зойка. - А почему старуха с таким ужасом ее имя произносила?

- У Сумских считалось, что Матильда их разорила.

- Она стала богатой?

- Нет, ее саму муж разорил, а потом убил.

- Во, страсти! И что же, я на нее похожа?

- Прабабушка Гали говорила, что да.

- Моя прабабушка? - удивилась Галя. - А мне она ничего такого не говорила.

- Тебе было неинтересно, - сказала я.

- Мне и сейчас неинтересно, - сказала Галя, набивая рот пирожным и запивая водой.

Зойка наклонилась ко мне и зашептала:

- Старуха все время твердила Игорю: «Прогони Матильку, прогони Матильку» - и указывала на меня. А когда ее увозили, помнишь, тоже Матилькой меня назвала. Игорь стал такой сентиментальный. Над ее гробом рыдал, как мальчишка. Сейчас квартиру отделывает, чуть ли не жить там собирается... Моя прабабка, говоришь, там пела? - Зойкино лицо исказила гримаса отвращения. - Ни за что туда не пойду, ни под каким видом!

Из кафе мы пошли в парикмахерскую, где у Зойки были знакомые мастерицы. Галю тут же усадили в кресло делать спиральную химку. Пока ее накручивали и сушили, мы с Зойкой вышли купить для Гали заколку. По пути Зойка затянула меня в ювелирный магазин.

- Вот какие сережки тебе нужны, - показала она на серебряные стрелки ландыша с нефритовыми каплями ягод. - Нравятся?

- Нравятся, - кивнула я.

- Возьмем? - предложила Зойка.

- Я скажу папе, он купит.

- Папа - это одно, а я - другое. Будешь носить и меня по-хорошему помнить, - заявила Зойка. Она потребовала выписать чек, оплатила его и тут же, в магазине, надела на меня обнову.

Сережки были привинчивающимися. Они под косым углом легли на ухо. Нефритовые ягодки на тоненьком стебле нежно выглядывали из-под серебряного купола листочка.

Зойка напустила мне волосы на уши и, глядя вместе со мной в зеркало, проговорила:

- Закрыто.

Затем резким движением отняла волосы от уха:

- Открыто! Загадка, правда? Тайна. Иногда лучше ее не открывать, - прибавила она совсем другим тоном.

Я поняла, что она имеет в виду, и глаза мои, как пули, нацелились на подругу.

- Ты поэтому мне сережки купила?

- И поэтому тоже, - не смутилась Зойка.

- Представляешь, как я буду тебя помнить? - буравила я Зойку взглядом.

Зойка взяла меня под локоть, вывела из магазина и на улице тихо сказала:

- После бабкиной смерти Игорь помешался на родословной. Так и выискивает, кто были его предки. Если тебя спросит, ничего плохого о моих предках не говори.

- Я и так не скажу, - сказала я, принимаясь отвинчивать серьги.

- Погоди, - остановила меня Зойка. - Я, правда, от чистого сердца. А это довеском. Уж такая я есть, принимай без базара. За деньги не беспокойся. Для меня это - тьфу! Больше проматываю. Моя печаль - Игорь. Я все еще от него тащусь.

- Сказала бы, что любишь, - усмехнулась я.

- Может, и так... Сколько богатеньких клинятся - а я возле него парюсь. - Это прозвучало как жалоба.

- А говорила: «Чувства - для убогих», - напомнила я.

- А то нет? - Зойка навела на меня дымчатые глаза. - Нормально, что ли, присыхать к одному, когда их вон сколько!

Галю завили, как куклу, и вся ее природная милота выступила наружу, ничего не припрятав в запас.

- Глядите, какая девка! Не девка, а чудо! Не стыдно с такою на люди выйти! - нахваливала ее Зойка.

Галя смотрела на себя в зеркало, как на диво, и не верила, что красотка с кудрявою гривой - это она.

- Вот видишь! - назидательно сказала Зойка. - Столько на свете возможностей, а ты зациклилась на одной, да еще насмерть стоишь.

Галя конфузилась, не зная, что сказать. Тогда я ответила за нее:

- Зато Гале всегда будет, что открывать!

- Не умничай, Хромоножка, не мешай воспитанию, а то наша скромница жизнь проживет и ничего не увидит, кроме халата и тапочек, - осадила меня Зойка.

Преображенных и осчастливленных, Зойка вывела нас на набережную. Сама она дамой-патронессой выступала в середке. Галя в спиральках и я в сережках прикрывали ее с боков. Галя уже не роптала, что дома ее ищут. Я помалкивала о том, что устала, и только заметнее прихрамывала.

На полукруглой площадке, бастионом глядящей на реку, к нам подскочил бойкий фотограф.

- Девочки, желаете запечатлеться на память?

- Желаем, - за всех ответила Зойка.

Фотограф обрадовался и лихо принялся распоряжаться:

- Девочки, подойдем к клумбе и станем спиной к памятнику.

- Мы не хотим к памятнику, разверните нас на простор, - скомандовала Зойка.

Фотограф то ли буквально понял ее слова, то ли сам вдохновился, только он отыскал такое место, с которого за нами выстилалась лишь перспектива реки и сливавшегося с нею неба. Вдобавок фотограф присел перед нами на корточки - так, что наши фигуры вписались в голубую сферу и за каждой из нас оказалось столько простора, сколько можно себе пожелать.

Мне нравится разглядывать этот снимок. На нем мы, как ветром, овеяны безмятежной и свежей радостью на виду бескрайнего простора возможностей. Да еще Зойка нас подзадорила, сказав:

- Улыбнемся для истории, девочки!

Мы от души раскололись - и птичка вылетела.

Анатолий Левской

Анатолий Левской из села Константиновка - ровесник героев повести Галины Беляничевой. И поскольку на странице нашлось место, мы решили напечатать здесь его коротенькое стихотворение. В чем-то оно этой повести созвучно (или, выражаясь по-ученому, - конгениально). Итак...

* * *

В любое время, в любую погоду,
Где бы я ни был, куда бы ни шел,
Всегда я готов набить себе морду
За то, что тебя до сих пор не нашел.